

ГЛИНКА
полковник по армии

На 82 листах

№ 1

О П И С Ъ

делу о состоящем по армии полковнике Глинке

Число бумаг	Страницы в деле
1. Допрос, снятый с Глинки г[осподином] генерал-адъютантом Левашовым	1, 2
2. Копия с вопроса полковнику князю Трубецкому 26 января с ответами его	3
3. Копия с вопросов подпоручику Рылееву того ж числа и с ответов его	4, 5
4. Вопрос штабс-капитану Александру Бестужеву 26 же января с ответом на оный	6
5. Вопрос капитан-лейтенанту Бестужеву того ж 26 января с ответом его	7
6. Вопрос коллежскому асессору Пущину 26 же января и ответ на оный	8
7. Вопрос поручику князю Оболенскому 26 января и ответ его	9, 10
8. Вопросы Глинке 15 февраля	11 по 14
9. Ответы его	14—20
10. Письмо Глинки на высочайшее имя 21 марта	20, 21
11. Письмо его же на имя г[осподина] военного министра 2 апреля	22, 23
12. Вопрос князю Трубецкому 6 апреля с ответом его	24, 25
13. Вопросы Глинке 3 апреля	26 по 40 // (л. 1 об.)
14. Ответы его 7 апреля	40 по 56
15. Очная ставка полковнику Пестелю с Глинкою 10 апреля	56, 57
16. Очная ставка Пестелю с титулярным советником Семеновым 10 же апреля	58
17. Показание Глинки 11 апреля	59, 60
18. Очная ставка Глинке с штабс-капитаном Александром Бестужевым 13 апреля	61
19. Очная ставка Рылееву с Глинкою того ж числа	62
20. Очная ставка Семенову с Глинкою 30 апреля	63
21. Очная ставка титулярному советнику Перетцу с Глинкою 30 же апреля ²	64—67
22. Послужной список Глинки	67—71
23. Выписка показаний разных лиц о полковнике Глинке	71, 72
24. Копия с записи о Глинке	73—82 82

Надворный советник Ивановский // (л. 67)

¹ Вверху листа помета карандашом: «№ 82».² В подлиннике ошибочно «3 же апреля».

Формулярный список о службе и достоинстве
Выписана из такового же лейб-гвардии Измайловского полка.

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произведениям находился			
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы	Числа
Полковник Федор Николаев сын Глинка. Орденов Св[ятой] Анны 2-й ст[епени], Св[ятого] Владимира 4-й ст[епени], прусского «За заслуги», баденского «Верности», имеет золотую шпагу с надписью «За храбрость» и медаль «В память 1812 года»	35	Из дворян. Сын отставного капитана, имеет по наследству 90 душ Смоленской губернии Духовского уезда в селе Ильюхах.	Прапорщиком	[1] 802	Июня	10				
			Подпоручиком	[1] 803	Декабря	14				
			Поручиком	[1] 806	Сентября	11				
			Штабс-капитаном	[1] 815	Августа	10				
							В оном же полку			
							Переведен в сей полк	[1] 816	Февраля	1
							Капитаном	[1] 816	Июня	30
							Полковником	[1] 818	Генваря	26
							Высочайше повелено состоять по армии с производствением жалования	[1] 821	Июня	5

состоящего по армии полковника Глинки.

поставленного от 1 января 1822 года // (л. 67 об. — 70)

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить

1805 и 1806 против французов в походе чрез Польшу, Селезию, Австрию до баварских границ и в продолжение ретирады от крепости Баунца, в сражениях: октября 22-го при защищении переправы на реке Эльбе, октября 24-го при Амштетине, октября 30-го при поражении генерала Монты у города Краона в повседневных с неприятельским авангардом сшибках ноября по 10 число, ноября 20-го в генеральном при [городе] Аустерлице, оттоль в походе чрез Венгрию, Галицию и Волынию к реке Бугу. 1812-го октября 6-го при Тарутине в ночной экспедиции при разбитии авангарда короля неаполитанского, 11-го при [городе] Малом Ярославце и потом находился в авангарде, где кроме повседневных сшибок был в сражениях 22-го при [городе] Вязьме и 26-го при [городе] Дорогобуже, за отличие в сих дела награжден орденом Св[ятого] Владимира 4-й ст[епени] с бантом, засим в движении за неприятелем фланговым маршем до [города] Красного и в сражениях ноября 3-го при [деревне] Ржавке, 4-го при с[еле] Мерлине, 5-го при с[еле] Уварове, 6-го у самого [города] Красного при избитии корпусов: маршала Даву, еще короля итальянского и маршала Ней, за отличие награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», после того при преследовании неприятеля чрез Борисов до рек Березины, Немана и до совершенного изгнания французов; в походе чрез Польшу и при занятии [города] Варшавы, а от оной в Шлезию к блокированной крепости Глагай и оттоль в Саксонию и в сражениях 1813-го апреля 23-го при Вальдгейме, 24-го близ Эшдорфа, 25-го по дороге от Паскена к Вильсдрофу, 27-го при защищении переправы через реку Эльбу при [городе] Дрездене, 29-го при вышке в окрестностях Бишофсверда, мая 3-го между селением Раттаутиц и городом Бауценом в арьергардных делах, 7-го и 8-го в генеральном сражении при [городе] Бауцене, 9-го в большом арьергардном деле у Рейхенбаха при отступлении армии от [города] Бауцена, 10-го между Рейхенбахом и Герницем, 11-го по дороге от Герница к Лаубаху; за все сии дела награжден российским орденом Св[ятой] Анны 2-й ст[епени] и прусским за достоинство, а за усердие по службе на обратном ходу в Россию во время прохождения войск чрез Герцогство Баденское получил баденский орден

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда

Холост или женат, и имеет ли детей

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится

К повышеннию достоинства за что именно не поддается атtestуется

Языкам: российскому, немецкому, французскому и польскому, арифметике и геометрии, физике, истории, географии и ситуации.

Не бывал

Не бывал

Холост

Ныне состоит по армии, а прежде находился при генерале от инфантерии граfeе Милорадовиче для особых поручений

В сей граfeе ничего не сказано

Подлинный подписал: генерал-майор Мартынов
Верно: начальник отделения Пантиухин // (л. 1 «а»)

Чин и имя ваши?

Знали вы о существовании тайного общества в государстве?

Вы были в частом сношении с Рылеевым, Бестужевыми, Оболенским, Трубецким?

Накануне или за два дня были ли вы у Рылеева и кого там видели?

В день происшествия где вы были?

По армии полковник Глинка.

В 1819 году был я сочленом общества, тогда существовавшего, коего занятия были вовсе не предосудительные и нимало не противозаконные. За всем тем обратившись на особого рода занятие², я решительно просил к[нязя] Трубецкого и Новикова³ меня к оному обществу более не считать причастным⁴. С тех пор ни о чем не знал и сношения никакого ни с кем не имел. Впрочем, образ жизни моей и занятия мои были известны покойному государю, о чём знает к[нязя] А.Н.Голицын.

Со всеми лицами сими был я в сношении по словесности, а с некоторыми по встречам в домах. О участии⁵ в⁶ последнем сим обществе и о намерении их я ничего не знал и даже заметил, что они считали меня принадлежащим полиции по частым моим сношениям // (л. 1«а» об.) с графом Милорадовичем.

За два дня до происшествия, узнав о болезни г[осподин]а Рылеева, я к нему зашел, где застал А.Бестужева и Сомова. Рылеев выходил со мною в другую горницу и просил у меня прозы для «Полярной звезды», говоря, что поэзия уже напечатана. Расставшись с ним, более уже его не видал.

В день происшествия был я в 9 часов у г[рафа] Милорадовича, от коего услышал, что вся гвардия присягнула и что все спокойно. От него поехал на квартиру г[осподи]на Войкова, читал им манифест с приложениями, где и пробыл до 12-го часа. Потом пошел пешком по проспекту и, подходя к площади Дворцовой, услышал, что г[раф] Милорадович ранен и что он находится в конной гвардии. Я к нему подошел при первой передвижке и до позднего вечера оставался при нем, исключая⁷ короткое время в⁸ которое ездил // (л. 2) к Севладскому, у коего я в доме живу. Возвратился домой часов в 11 и на другой день поутру в 5 часов пошел опять к графу, но уже не застал и узнал, что тело его перенесли в его квартиру, куда я и пошел.

Состоящий по армии полковник Глинка⁹
Генерал-адъютант Левашов // (л. 3)

1 Вверху листа помета карандашом: «Высочайше освобожден».

2 Первоначально было «занятием».

3 Слова «к[нязя] Трубецкого и Новикова» вписаны над строкой.

4 Далее зачеркнуто: «князя Трубецкого и Новикова».

5 Далее зачеркнуто: «их».

6 Далее зачеркнуто: «сими».

7 Далее зачеркнуто: «что несколько».

8 Слово «в» вписано над строкой.

9 Показания подписаны Ф.Н.Глинкой собственноручно.

№ 4 (2)

Копия

1826 года января 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует через сие от г[осподина] полковника князя Трубецкого ответов на нижеследующие пункты:

- 1-е. Принадлежали ли к тайному обществу Гвардейского Генерального штаба поручик и прапорщик Искрицкие?
- 2-е. Какое принимали участие в намерениях и действиях общества?
- 3-е. Кем и когда были извещены предварительно о предприятии 14 декабря и сверх того?
- 4-е. Кем и когда полковник Федор Глинка был извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое к сему подал мнение?

Ответы

Принадлежали ли к тайному обществу Гвардейского Генерального штаба поручик и прапорщик Искрицкие и какое принимали участие в намерениях и действиях общества, сведения я не имею, равно и о том, кем и когда были извещены // (л. 3 об.) предварительно о предприятии 14 декабря.

Также неизвестно мне, был ли извещен предварительно полковник Федор Глинка о предприятии 14 декабря, и не знаю, какое он по сему подал мнение.

Подлинное подпись полковник князь Трубецкой
Генерал-адъютант Бенкendorf // (л. 4)

№ 5 (3)

Копия

1826 года января 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует через сие от подпоручика Рылеева ответов на нижеследующие пункты:

- 1-е. Принадлежали ли к тайному обществу Гвардейского Генерального штаба поручик и прапорщик Искрицкие?
- 2-е. Какое принимали участие в намерениях и действиях общества?
- 3-е. Кем и когда были извещены предварительно о предприятии 14 декабря?
- 4-е. Кем и когда полковник Федор Глинка был извещен о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Ответы на 1, 2 и 3 пункты

Гвардейского Генерального штаба поручик Искрицкий к тайному обществу принадлежал, о чем он сам меня уведомил дни за два до 14-го числа, когда он¹ // (л. 4 об.) зашел ко мне и когда я завел с ним разговор о положении России. Кто же его принял, а равно, принадлежит ли к числу членов общества брат его, мне неизвестно. О предприятии 14 декабря он тогда не был извещен мною. Какое принимал прежде участие в намерениях и действиях общества, не знаю.

На 4

По вступлении моем в общество с Федором Глинкою я имел частые свидания и, полагая его в числе членов общества, нарочно склонял разговор к цели и намерению оного, но слыша от него общие суждения и никогда ничего решительного, уведомил о том Трубецкого, который сказал мне на то: «Его надо оставить в покое, он нам бесполезен», — что я и исполнил; несмотря на то общие суждения при каждом свидании моем // (л. 5) с Глинкою продолжались. Так случилось и перед 14 декабря, кажется, дни за два. Разговаривая о настоящем положении дел, я ему сказал, что общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. Он на то мне сказал только: «Смотрите, господа!» В дальнейшие суждения о предприятии 14-го числа я с ним не входил, ибо несмотря на слова Трубецкого, я полагал

¹ Далее повторено слово «когда».

его в числе главнейших членов общества и что ему, следовательно, все движения общества небезызвестны.

Подлинное подпись подпоручик Рылеев
Генерал-адъютант Бенкендорф // (л. 6)

№ 6 (4)¹

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от штабс-капитана Александра Бестужева² ответ о нижеследующем:

Кем и когда полковник Федор Глинка³ извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Генерал-адъютант Бенкендорф

Ответ

Федора Глинку³ видел я дни за три или четыре у Рылеева до 14 декабря, заходил он туда на минуту, и как в то время, как он вошел, вскоре сказали, что Булгарин идет, а мы его опасались, то я и вышел задними дверями вон, чтоб не подать подозрения, что тут собирающе.

Был ли он решительно извещен о намерении⁴ на 14 число, не знаю⁵, но что готовилось что-то — знал, ибо я сказал: «Ну, вот и приспевает время»⁶, — он отвечал: «Смотрите, вы, не делайте никаких насилий» (он всегда был миролюбивых правил) — и тогда-то я вышел.

Штабс-капитан Бестужев⁷
Генерал-адъютант Бенкендорф // (л. 7)

№ 7 (5)⁸

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от капитан-лейтенанта Николая Бестужева отвeт о нижеследующем:

Кем и когда полковник Федор Глинка⁹ извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Генерал-адъютант Бенкендорф

Это обстоятельство совершенно мне неизвестно.

Капитан-лейтенант Николай Бестужев¹⁰
Генерал-адъютант Бенкендорф // (л. 8)

№ 8 (6)¹¹

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от коллежского асессора Пущина³ ответ о нижеследующем:

Кем и когда полковник Федор Глинка³ извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Генерал-адъютант Бенкендорф

¹ Вверху листа помета чернилами: «Чит[ано] 27 генв[аря].»

² Имя и фамилия подчеркнуты карандашом.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слова «Был ли он решительно извещен о намерении» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слова «не знаю» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «Ну, вот и приспевает время» подчеркнуты карандашом.

⁷ Ответ написан А.А.Бестужевым собственноручно.

⁸ Вверху листа помета чернилами: «Чит[ано] 27 генв[аря].»

⁹ Имя и фамилия подчеркнуты карандашом.

¹⁰ Ответ написан Н.А.Бестужевым собственноручно.

¹¹ Вверху листа помета чернилами: «Чит[ано] 27 генв[аря].»

По требованию Комитета сим честь имею ответствовать, что мне неизвестно, кем и когда полковник Глинка¹ извещен был о предприятии 14 декабря. Я видел перед тем его у Рылеева; но разговора при мне² с ним³ о намерении нашем не было, и я никакого мнения его на сей счет не слыхал.

К сему ответу коллежский асессор Иван Пущин руку приложил⁴.
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 9)

№ 9 (7)⁵

1826 года 4 февраля высочайше учрежденный следственный Комитет требует от поручика л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка князя Оболенского следующего основательного показания:

В списке о именах членов общества, представленном при всеподданнейшем письме вашем государю императору от 21 января, вы упоминаете о полковнике Федоре Глинке, сказав, что *о намерениях на 14 декабря он был известен, но в оных ни лично, ни чрез других не участвовал*. Объясните, когда и от кого узнал Глинка о намерениях членов тайного общества на 14 число? Что именно сообщено ему было о сем и что было его на то ответом, присовокупив, с какою целью вверена была ему тайна предприятий общества, ежели он⁶, по словам вашим, отстал и не приналежал к оному?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Полковник Федор Николаевич Глинка, печатая некоторые из своих писем, отдал, кажется, корректору оных поэту Сомову, живущему вместе с Бестужевым и в одном доме с Рылеевым. По сему случаю он в последние времена пред 14 декабрям стал чаще посещать // (л. 9 об.) Рылеева нежели прежде, будучи, однако же, с ним всегда в связи дружеской и литературной. По сему случаю мы не думали скрывать наших действий пред полковником Глинкой, который был известен нам как за человека честного, который не изменит тайне, ему вверенной. Ему лично никто предложения не делал участвовать в намерениях, ибо мы все знали, что он никогда не согласится брать в оных какое-либо участие; и потому мы ограничивались непринужденным разговором пред ним. Его ответ всегда был во время наших разговоров: «Господа, я человек сему делу чуждый и благодарю вас за доверенность вашу; мой совет и мнение может быть только, что на любви единой зиждется благо общее, а не на брации». Быв у меня также несколько раз, полковник Глинка мне то же самое говорил. К несчастию, многие из наших членов и я также в то время полагали, что он, как поэт, живет более на небесах, а не на земле. Что же именно было известно ему⁷ из намерений наших на 14 декабря, я, поистине, сказать не могу, ибо я лично не говорил ему подробно ни о действиях наших, ни о силах⁸; и вообще как я, так и все прочие члены не входили с ним в подробности, которые для него вообще были не нужны. Но мы в полковнике Глинке видели всегда такого человека, пред кем мы говорили свободно о действиях нашего общества. // (л. 10) Вот единственno почему он был известен о намерениях наших, не участвуя и не желая в оных участвовать ни лично, ни чрез других. Почему я полагаю, что полковник Глинка знал, что некоторые полки не будут присягать, что неприсягающие должны собраны быть на площади и что мы хотели сделать предложение Сенату о всеобщем Соборе. Впрочем, и в сем показании моем боюсь ошибиться, ибо, поистине, сказать не могу, что именно из наших намерений было

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слово «мне» вписано над строкой вместо зачеркнутого «нем».

³ Слова «с ним» вписаны над строкой.

⁴ Ответ написан И.И.Пущиным собственноручно.

⁵ Вверху листа помета чернилами: «Читано 5 января» (так в подлиннике, правильно «5 февраля»).

⁶ Слово «он» вписано над строкой.

⁷ Слово «ему» вписано над строкой.

⁸ Пять строк от слов «Что же именно было известно...» подчеркнуты карандашом.

известно полковнику Глинке, тем более, что я лично всего плана и всех действий ему¹ не объяснял и притом не могу припомнить всех слов моих после столь долгого времени, и притом разговаривая всегда с полковником Глинкою не как с действующим членом общества, но чуждым оному и посторонним лицом. Вот все, что по истинной совести и сущей справедливости я показать могу.

Князь Евгений Оболенский²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 11)

№ 10 (8)³

1826 года февраля 15 дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета полковник Федор Глинка спрашиван о нижеследующем:

1

Когда, где и кем именно вы были приняты в тайное общество, под именем «Союза благоденствия» существовавшее? Что побудило вас вступить в оное и кто были все известные вам члены его?

2

Кто были первоначальные основатели сего общества и какие причины подвигнули их к учреждению оного?

3

В чем заключалась прямая цель или намерения Союза благоденствия и какими средствами предполагалось исполнить ее?

4

Кто из членов наиболее // (л. 11 об.) стремился к распространению и утверждению мнений общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?

5

Комитету достоверно известно, что в 1819 году в квартире вашей происходили собрания членов Коренной думы союза, рассуждавших о образе правления для России.

Объясните откровенно:

а) Сколько раз и кто именно из членов Коренной думы собирались в квартире вашей для совещаний по означенному предмету и был ли в числе их нынешний подполковник Лунин?

б) Князь Илья Долгоруков (в качестве блюстителя) по общему согласию и именем присутствовавших предлагал Пестелю изложить выгоды и невыгоды правления монархического // (л. 12) и республиканского с тем, чтобы каждый объявил свое мнение, которое из двух правлений почитает удобнейшим для России?

в) После же того, когда Пестель представил свое изложение и когда по оному возникли между членами словопрения, было ли решено, чтобы каждый из них сказал положительно, кого желает, монарха или президента, и произнес ли на сие в свою очередь Николай Тургенев: «Президента, без дальних толков!»?

г) Затем присутствовавшие в собрании (не исключая и вас) приняли ли единодушно республиканский образ правления?

Здесь поясните: при рассуждениях членов говорили вы в пользу монархического // (л. 12 об.) правления и предлагали ли императрицу Елизавету Алексеевну? И что вас заставило отклониться от сего мнения?

д) Сие решение Коренной думы было ли тогда же сообщено всем управам и с того времени республиканские мысли остались ли господствующими в обществе?

1 Слово «ему» вписано над строкой.

2 Показания написаны Е.П.Оболенским собственноручно.

3 Вверху листа помета чернилами: «Читано 16 февраля».

Какое участие принимали вы в действиях Союза благоденствия после выше-приведенного совещания? Долго ли еще находились в сем обществе и с кем из членов были в сношениях и в каких?

Комитету также достоверно известно, что вы, бывая // (л. 13) в сообществе Рылеева, князя Оболенского и Александра Бестужева, знали о предприятии, исполненном 14 декабря 1825 г[ода], из разговоров их об оном, так как они от вас не таились, и вы однажды, не охуждая означенного предприятия их, просили только не употреблять насилия.

Объясните чистосердечно: каким образом сие происходило?

В заключение присовокупите все, что вам известно на счет тайного общества и лиц, к оному принадлежащих, сверх изложенных здесь вопросов.

Сверх того объясните, знали ли вы титулярного советника // (л. 13 об.) Григория Перетца в числе членов тайного общества, известного под именем «Союза благоденствия»? У кого и когда бывал он на совещаниях общества?

Г[енерал]-адъютант Бенкендорф // (л. 14)

№ 11 (9)

На 1-й вопрос.

В 1816 году, вступая в масонскую ложу, названную¹ ложею «Избранного Михаила» (в честь и память избрания родоначальника Романовых), я познакомился там с *господином Новиковым*. По званию масона был я тогда в степени ученика и не знал еще², в чем состояла деятельность сего ордена. [Господи]н Новиков, бывший выше меня в³ степени, говорил мне, что в масонстве только *теории*, а что есть *другое общество* избранных молодых людей, которые положили, образуя себя, действовать в своих кругах по своим силам и возможностям на улучшение всех отраслей наук, художеств, даже ремесел, и упражняться в *практической благотворительности*, делая сборы для бедных, определяя сирот в училища, а безместным приискивая пристанища.

Сие общество, как мне сказано, называлось *благотворительным* или обществом *благотворения и наук*: его⁴ называли тем и другим именем.

Вышеприведенные слова, извлеченные мною теперь⁵ по памяти из многократных разговоров с Новиковым, и тогда же поставленные мне на вид имена весьма почтенных (по крайней мере, по тому времени) и лучших фамилий молодых людей, склонили меня на *вступление в общество*; я дал и *подписку* (на отдельной осьмушке бумаги), в которой, сколько могу припомнить, не заключалось ничего важного.

После того Новиков познакомил меня с Никит[ю] Муравьевым и Сергием Трубецким; о других же членах сказали, что впоследствии они будут знакомиться со мною сами собою. В самом деле, после значительного времени я при разных встречах узнал и приобрел знакомство уже нескольких членов. Тут мне стали известны по⁷ именам: Никита Муравьев, к[нязь] Сергей Трубецкой⁸, Павел Пестель, Новиков, как уже сказано, кн[язь] Илья Долгорукий, почтенный⁹ Алекс[андр] Ал[ександрович]¹⁰ Ковелин, Николай Годейн¹¹, Миркович¹¹ (имени не упомню), Александр (Данилович) Башуцкий¹¹, полковник Кошкуль¹¹ и граф

1 Первоначально было: «под названием».

2 Далее зачеркнуто: «свойство».

3 Слово «в» вписано над строкой.

4 Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

5 Слово «теперь» вписано над строкой.

6 Слова «тогда ж» вписаны над строкой.

7 Слово «по» вписано над строкой.

8 Слова «Никита Муравьев, к[нязь] Сергей Трубецкой» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «почтенный» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

10 Слово «Ал[ександрович]» вписано над строкой.

11 Фамилия подчеркнута карандашом.

Федор Толстой¹ (известный художник), почтенный отец семейства и человек добрый. // (л. 14 об.) Последние *шесть особ* составляли то *отделение*, к которому приписал меня Муравьев. Я потому и помню яснее имена вышеозначенных.

На 2-й вопрос.

Первоначальными основателями были, кажется, (а верно не знаю) г[оспода] Муравьевы и, в особенности, *Александр*. С ним я не был знакомлен лично, и он меня, я думаю, не знает. Но вследствии я слышал, что он даже прежде многих из нас отстал от общества и шел *совсем другою дорогою*.

Причины (основа[ния] обще[ства]), предъявленные мне², состояли, (сколько я могу упомянуть) в нижеследующем:

Многие из молодых людей, бывшие в последних походах и видевшие чужие государства, сравнивая всеобщее развитие просвещения и гражданственности в Европе с³ состоянием оных в Отечестве нашем, находили, что науки, особенно политические, у нас недовольно имеют хода, что художества мало ободряются, что изучение прав слишком поверхностно, что для благотворительности (для благотвор[ительных] заведений) нет довольно общих усилий, что молодые люди, окончив слегка учебные курсы, предаются слишком суетности, а нередко пристрастию к картам и проч[ее]. А посему они и полагали, что полезно составить общество в таком смысле, как оное ими было заведено. Они говорили мне: «Правительство занято важнейшими видами, а кто мешает нам, жертвуя своими способами и способностями, улучшать все вокруг себя постепенно и скромным образом? Когда же деятельность общества получит более правильный вид и будет о чем сказать, тогда скажем правительству и станем⁴ искать открытого покровительства на дальнейшие действия, предъявив о том, что уже сделано». // (л. 15)

На 3-й вопрос.

Цель общества, как мне оная была представлена, объявлена уже мною в ответе на вопрос 2-й. Исполнять же ее (означенную цель) предположено было, во-первых, прочным приготовлением себя к гражданской службе на пользу отечества. По сему слушаю и предпринято слушание курсов: а) политической экономии, б) статистики, с) истории в обширнейшем значении, д) прав римского и естественного, е) физики и химии и ф) нравственной философии по системам немецких профессоров. Сие слушание курсов продолжалось несколько лет⁵.

На 4-й вопрос.

Разные члены действовали по⁶ смыслу своих отделений. Но личного влияния и как бы некоторой поверхности над другими, кажется, более домогались Н.Муравьев и Пестель. Часто они ценили себя выше⁶ прочих и не совсем осторожно. Сие, кажется, было первым поводом к отдалению от них других членов.

На 5-й⁷ вопрос.

Сколько я могу припомнить, ни определенных собраний, ни правильных заседаний нигде (по крайней мере, в моем присутствии) не было. Съезжались по пять, по шести человек в разных местах. Насчет же моей квартиры я помню следующее: Никита Муравьев¹ говорил мне однажды⁷: «Мы теперь все слушаем курсы, и в особенности политических наук, то чтобы лучше вразумляться в сих науках, мы (он говорил о своем отделении) // (л. 15 об.) положили производить между собою⁸ разговоры, даже заводить споры о разных системах и мнениях. Для сего собираются у меня (у Н.Мурав[ьева]), но как ваша квартира⁸ довольно также просторна и мы

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Далее зачеркнуто: «были».

3 Далее зачеркнуто: «тем же».

4 Слово «станем» вписано над строкой вместо зачеркнутого «будем».

5 Далее зачеркнуто одно слово.

6 Далее зачеркнуто: «др[угих]».

7 Далее зачеркнуто: «следующее».

8 Далее зачеркнуто несколько слов.

часто мимо¹ ее проезжаем, то позвольте нам иногда заезжать к вам». Я не находил тогда никакой причины в сем отказать, присовокупив только, что я по должности моей часто бываю долго занят у начальника и поздно разве возвращаюсь домой. После сего, действительно, в течение времени заезжали ко мне (кажется, не более раз трех)² когда трое, когда четверо из членов так называемого «отделения политических наук». Сии члены были: Никита Муравьев³, Павел Пестель⁴, к[нязь] Сергей Трубецкой⁵ (до отъезда за границу), также иногда Сергей Муравьев; кажется, бывали и Шиповы⁶, а Лунина, право, не помню: я его видал в доме Кат[ерины] Федоровны⁷ Муравьевой и заподлинно не знаю, был ли он и членом. Князь же Илья Долгорукий⁸ захаживал ко мне⁹ на короткое время, но более как сосед, ибо он жил тогда очень близко от меня. Что ж касается до Николая Тургенева¹⁰, то он, сколько мне памятно, был не в ладах с Муравьевым⁴ и Пестелем⁴, ибо они отзывались о нем невыгодно.

На вопрос же о каком-то как бы торжественном и важном заседании, где трактовали о правлении для России, я ничего другого сказать не могу, как только то, что такого заседания не было, а бывали, как я сказал, простые разговоры о разных системах, иногда и о формах правления, но все сие в общем политическом или учебном смысле. Это правда, что Пестель⁴ // (л. 16) особенно любил заводить такие разговоры и завлекать в споры других. Но такие споры в то время никакой в себе важности не показывали и оканчивались ничем. Подобные⁷ разговоры не только у меня или на других квартирах, но заводимы были встречавшимися членами повсюду: на балах, на вечеринках, в театре, везде толковали о политике и, я помню, когда проходили политическую экономию, то часто, встречаясь, друг у друга спрашивали: «Вы физиократ или меркантилист?».

Всемилостивейшей государыни нашей Елисаветы Алексеевны я никогда не предлагал в таком смысле, в каком на меня показывают.

Надо знать, что в прежде бывшем обществе в числе положений оного⁸ было и то, чтобы возвышать добродетель, делая гласными через разговор и печатание⁹ добрые качества лиц и всякие благородные подвиги. По сему поводу, говоря о частных лицах, я поставлял особенно приятным долгом говорить о добродетелях государей. Около того времени, посещая бедных в подвалах (семейство коллеж[ского] ас[ессора] Уманца) и на чердаках (семейство придв[орного] музыкант[а] Иошкина), я встречался с именем благотворившей им государыни Елисаветы Алексеевны. Но восхвалял не именно ее одну, я говорил и печатал (около того времени) о¹⁰ добродетельных действиях всемило// (л. 16 об.) стивейшей государыни Марии Федоровны, когда она, купно с почивающим в бозе государем императором, призрела сирот франц[узского] полковника Лагранжа, взятых на поле Красненского сражения покойным¹⁰ графом Милорадовичем. Впрочем, я был и есмь истинно преданным государствам нашим! И если бы целый свет не поверил мне в этом, то я и тогда оставил бы¹¹ сие чувство преданности, как богатство души моей, собственно для себя!

На 6-й вопрос.

В течение 1820 года по большим занятиям по должности и по разным¹² обстоятельствам я совсем почти не участвовал ни в каких действиях прежде бывшего общества и неоднократно говорил, что я уже намерен совсем отстать. В это же время, помню, Кавелин и другие члены нашего отделения поручали мне сказать,

1 Слово «мимо» вписано над строкой.

2 Слова «кажется, не более раз трех» вписаны над строкой.

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Слова «Павел Пестель» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «Сергий Трубецкой» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «ко мне» вписаны над строкой.

7 Слово «подобные» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

8 Слово «оного» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто одно слово.

10 Слово «покойным» написано вместо зачеркнутого слова.

11 Первоначально было: «оставлю».

12 Слово «разным» написано вместо зачеркнутого слова.

что и они отстают. Я исполнил их поручение и свое желание и очень¹, признаться, обрадовался¹, услышав, что общество совершенно разрушилось и навсегда разошлось. Я был сему тем более рад, что последнее время было уже, так сказать¹, эпохой нравственного падения общества, ибо между членов вкрадись ссоры, личности, какие-то притязания на преобладание² умами других, ну, словом, не стало того доброго, дружественного согласия, которое, будучи плодом чистоты помыслов и ясности душевной, составляет красоту и счастье обществ человеческих. // (л. 17)

На 7-й вопрос.

Рылеев³ и Безстужев³ были членами высочайше утвержденного⁴ Вольного общества любителей российской словесности, в котором я председатель. Оболенский³ слушал со мною вместе курс философии¹ еще давно. С сим Оболенским не видался я, по крайней мере, года четыре, даже нигде не встречался. В прошлом (1825 году) именно в самый день⁵ именин его императорского⁶ высочества Михаила Павловича, приехав во дворец с покойным графом Милорадовичем, встретился я с Яковом Ростовцовым, который приехал туда же со своим генералом Бистромом. Ростовцова я любил с его детства. Ввечеру того дня получаю записку от Я. Ростовцова, в которой, приглашая меня к себе⁷, он сказал: «И к [нязь] Оболенский³, мой сослуживец и ваш давний знакомый, рад очень будет вас увидеть». В тот вечер¹, прияя несколько поздно и не застав Ростовцева, который ждал меня до 11-го часа и уехал к матушке, я зашел к Оболенскому, и мы только что раскланялись, ибо он занимался с писарями деловыми бумагами. После того, заходя к Ростовцову, я был раз пять и у Оболенского³, но никогда, кажется, один. Оболенский читал мне: а) его выписки из индейской мифологии, б) выписки из еврейского законодательства (из одной французской книги), с) советовался насчет повести, которую он намеревался написать во нравах древнееврейских⁸ и д) показывал мне перевод свой из немецкой трагедии Раупаха, под заглавием, кажется, «Кн[язь] Хованский». // (л. 17 об.) Я его ссудил немецкою книгою, заключавшею в себе древнее персидское богословие под заглавием «Зенд а вест» — вот все мои сношения с Оболенским. Оболенского, Рылеева и Александра Безстужева никогда не видал я даже и вместе. Добрая Рылеева жена мне кума: он сам был мне несколько одолжен и обходился со мною весьма уважительно. В исходе прошлого года отдал я одну из моих книг для печатания в типографию Главного штаба, а корректуру сей книги поручил писателю Сомову, который жил в одном доме с Рылеевым и бывал очень часто у него. Идя от себя в типографию или в город, я проходил (так по местному положению) ровно мимо окон Рылеева. Тут иногда мне дочь стучала в окно, иногда жена клянялась, и я заходил на минуту, часто и без Рылеева, который бывал у должности. В это же время печаталась «Полярная звезда», у меня просили стихов, я заносил их, да притом ходил обедать в тот же дом, к г[осподи]ну Прокофьеву.

Вот, сколько могу припомнить, все побуждения, по коим иногда⁹ выходил я¹⁰ в дом Американской компании.

Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его¹¹ поэм, также о трагедии «Богдан Хмельницкий», которую начал писать и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению. Сии литературные намерения, требовавшие долгого досуга и времени,

1 Далее зачеркнуто одно слово.

2 Далее зачеркнуто: «другими».

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Далее зачеркнуто: «общества».

5 Далее зачеркнуто: «его».

6 Слово «императорского» вписано над строкой.

7 Слова «к себе» вписаны над строкой.

8 Слово «древне» вписано над строкой.

9 Слово «иногда» написано на полях.

10 Слово «я» вписано над строкой.

11 Слово «его» вписано над строкой.

его болезнь и всегдашнее скромное со мною обхождение не давали мне даже возможности даже и подумать о чем-либо им замышляемом. // (л. 18)

Александр Безстужев, человек с головою романическою, был из числа моих, так сказать, встречных знакомых. Никогда не имел я с ним никаких постоянных связей. Большею частию встречался он со мною на улицах. Я ходил задумавшись, а он рыцарским шагом и, встретясь, говорил мне: «Воевать! Воевать!». Я всегда отвечал: «Полно рыцарствовать! Живите смирнее!» — и впоследствии всегда почти прослышивалось, что где-нибудь была дуэль, и он был секундантом или участником. Впрочем, я ссылаюсь на всех наших литераторов, что на их вечеринках и в собраниях¹ я и на людях бывал один: сидел себе в стороне и думал о своем. Часто, шутя, они же говорили мне: «Вы все живете на небесах, спуститесь на землю!» Это не моя похвальба, а их фраза. Пересорившихся литераторов старался я склонить к любви и² миру³, и вот все, что я делал^{3!} Вообще я шел совсем другою дорогою.

Сказав все сие, теперь думаю я, из какого бы побуждения и для каких выгод сим господам открывать мне их тайнейшие планы? Уж я, конечно, не мог быть им ни³ в чем полезен. Будучи по природе неподозрительным, я привык видеть в людях более добра! Впрочем, у всякого душа³ закрыта грудью: я не мог видеть глубины их душ!

Тит[улярного] советника Перетца в числе членов³ прежде бывшего общества никогда не видал и ни в каком отделении даже об его имени не слыхал. // (л. 18 об.)

В заключение я осмеливаюсь сказать, что в предпоследний день последнего месяца истекшего года был я взят и привезен в Зимний дворец. Там, в присутствии всемилостивейшего государя, чинимы были мне обстоятельные допросы. С мудрою прозорливостию спрашивал меня г[осподи]н генерал-адъютант Левашев в продолжении, думаю, 1½ часа и, признаюсь, только с правотою в душе и с богом над собою можно устоять противу таких вопрошений — правдивых и острых — особенно, если они приходят к человеку в первый раз в жизни! Засим мое показание представлено на высочайшее благоусмотрение, а там государь с кротостию непонятною и с благоволением обворожительным удостоил меня своего милостивого слова. Память о сем незабвенном мгновении глубоко залегла в душе моей. На лице августейшего монарха прочел я тайну той неодолимой силы, которая заставила некогда целый народ Русский сказать³ великому родоначальнику Романовым: «Мы отдаемся тебе головами!». Государь император повелел мне быть спокойным. Я и был спокоен, спокоен и перед лицом брата моего государя и в присутствии вождей, знаменных сподвижников в бозе почивающего императора. О! Как я счастлив, что с светлою совестию могу⁴ возвзвать // (л. 19) к великой душе его, которая теперь видит более, нежели глаз земного человека: «Государь! Ты знаешь, какие слезы я о тебе пролил, как душевно благоговел пред теми особенными добродетелями, кои, по великой скромности твоей, неизвестны всем людям или не поняты ими!»

Бога бояться. Государя чтить. Властям повиноваться. — Вот коренные правила души моей!

Я никого не обижаю, ничего не ищу и ничего — на всей земле — ничего не имею!

Одно было у меня заветное сокровище: доброе имя! По малым каплям собирая сие благо. И как жестока должна быть та рука (я говорю о злоумышленниках), которая захочет отнять и этот последний грош у нищего!

Но бог заступит невинного: в нем мой покров; а благоусмотрительность высокознаменных исследователей, свидетельство всех честных людей в Петербурге, законы моего Отечества, а более всего высокое благосердие нашего мудрого государя защитят того, кто сир и беден, но есть всегда верноподданный его.

Федор Глинка, полковник, состоящий по армии⁵
Г[енерал]-адъ[юнкт] Бенкendorf // (л. 20)

¹ Далее зачеркнуто: «об».

² Слова «любви и» вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Далее зачеркнуто: «теперь».

⁵ Показания написаны Ф.Н.Глинкою собственноручно.

Всемилостивейший государь!

В том печальном положении, в каком нахожусь я теперь, несчастные, подобно мне, имеют одно усаждение — данное от высочайших щедрот ваших дозволение писать к родителям и родным.

Государь! Я круглый сирота: нет у меня ни матери, ни отца; а потому и принял я смелость писать к общему отцу Отечества — к вам.

Я не знаю еще ни кто мой обвинитель, ни в чем моя вина.

Почтенный председатель и члены, составляющие комиссию исследовательную, все люди отличенные заслугами и званием; в числе их присутствует вселюбезнейший брат ваш. — Итак, судьба моя в хороших руках.

Но, государь! Клевета с давнего времени преследует меня на пути жизни. Еще в 1821 году сделан был на меня донос. Но в бозе почивший император, мудрый и долготерпеливый, в течение двух лет сравнивал слова клеветника с теми обстоятельными донесениями, кои доставляли ему о моем поведении и, наконец, в 1823 году через одну особу, имевшую к нему прямой доступ, соизволил объявить следующее: «Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему от меня, что он может оставаться спокоен»

Я принял волю великого моего государя, как священное обнадежение моего гражданского бытия. И не его кроткий дух из горного блаженства своего обновил опять сию защитную волю свою в тех словах, которые изрекли мне милостивые уста ваши? // (л. 20 об.)

В предпоследний день последнего месяца истекшего года после подробного во-прошения, сделанного мне прозорливым испытателем в императорском дворце вашем, вы, государь, как бы повторяя слова вашего великого брата, с неизъяснимым благоволением изволили сказать мне: «Ты можешь оставаться спокоен: будь покоен!»

Нельзя исполнить точнее воли в бозе почившего и богом хранимого государя: я был и остаюсь совершенно покоен. Ни теснота моего заключения, ни позор тяжкого ареста, постигшего меня в первый раз в жизни, ничто не нарушает моего спокойствия и ничто, ничто даже ни на одну минуту не может поколебать той глубокой, смею сказать, той вечной преданности к высочайшей особе вашей, которую вы, государь, зародили в душе моей вашим ласковым царским словом. Свидетельствую сею частицею неба, которая видна из окна моей тюрьмы, что с 1821 года я не состоял ни в каком² тайном обществе.

Даже общество масонов оставил я за несколько месяцев прежде общего высочайшего повеления на закрытие лож. И сие сделал я по воле моего государя, изъявленной мне не как повеление, но в виде его желания.

Я всегда старался ходить под его, священною для меня, волею и было время (в 1820, 1821 и 1822 годах) когда я с личного ведения его величества занимался некоторыми делами и одним, смею сказать, очень важным, которое и осталось тайно в его кабинете.

И всеавгустейшая родительница ваша удостаивала меня неоднократно своим особым вниманием. Я мню, что и доселе, может быть, ей памятно мое скучное имя, также как мне незабвенные ее монаршие милости и благосклонные обо мне отзывы. // (л. 21)

Во время деятельной моей службы, бог провел меня мимо многих соблазнов корысти. Впоследствии я полюбил нищету: добрые люди давали мне приют и одеяние; я провождал жизнь простую, всегда открытую и не любя видеть в людях злое, минуя слабости, не замечая пороков и охотно прощаю клеветникам, я любил всех как братий.

Были у меня большие душевые несчастья: ум не находил для них исцеления; святая воля предложила свои утешения, и я по-детски прилепился к сердечной простоте. Я поверил, что с ума сойти можно, а с сердца никогда!

¹ Вверху листа пометы чернилами: «№ 829», «Читано 27 марта», «28 марта 1826».

² Слова «ни в каком» повторены дважды.

С тех пор среди поэзии и мирных трудов я жил как беззаботный гость мира, без завтра и вчера. Мое кроткое терпение, казалось, утомило врагов; мое политическое ничтожество отклонило завистников.

Имел я одно заветное мирское сокровище — доброе имя. Годами и честным трудом наживал я сие благо, и не знаю, чья рука желает теперь отнять и этот последний грош у нищего?

Всемилостивейший государь! Не смею утомлять более вашего терпения излияниями моей души! Я ни на что не жалуюсь, ничего не желаю! Об одной только милости прошу, чтобы вы, мой добный государь, удостоверены были, что тот, кому вы внушили беспредельную любовь и доверенность к особе вашей, к сердцу вашему, есть ваш и на свободе, ваш и в заключении.

С душевною вернопреданностию и с детскою покорностию лобызает державную руку вашу вашего императорского величества

верноподданнейший Федор Глинка,
полковник, состоящий по армии¹

1826 года марта 21-го

В крепости святых Петра и Павла

Каземат №

В 9-й день заключения // (л. 22)

№ 13 (11)²

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

За три пред сим недели был я взят в конфетной лавке, где пил чай, и прямо привезен в крепость, где арестован и заключен в каземат. Ни до того, ни с тех пор никто не объявил мне, ни кто мой обвинитель, ни в чем моя вина. Отсеченный вдруг от живого гражданского мира, я просидел сии три недели как в воду опущенный. Вот, что подало мне смелость писать к вашему высокопревосходительству, как к человеку великодушнейшему и верховному члену высочайше учрежденной комиссии. По коренным законам нашего Отечества и самый дознанный преступник, схваченный и приведенный с места злодеяния (по уложению: приводной), не обретается более трех дней в заключении без вопрошения. И как в бозе почивший император, в указе 1810 года, августа 18-го дня определительно выразил: «Дабы обвиняемым давать всевозможные способы к оправданию», то я не имея доселе ни единого из таковых благодетельных способов, всеубедительнейше прошу дать мне возможность ответствовать на вопросы, доставить случай пред очами комиссии посмотреть в очи тем или тому, кто решился обвинять меня по злобе или заблуждению и, наконец, сделать обо мне повальный обыск, хотя по всей столице, ибо (по уложениям) я не могу иначе быть как оговорным или только прикиновенным к делу, что и того менее. Между тем, опираясь на снисходительность, свойственную превосходной душе вашего высокопревосходительства, и доброту, правдолюбивому сердцу вашему, я приемлю смелость изложить ниже следующие рассуждения в слове за себя. // (л. 22 об.)

Человек в гражданском быту как член благоустроенного общества познается, а, следовательно, и судится: 1) по его жизни; 2) по его делам (по службе и частным поступкам, имеющим гласность и основание); 3) по его занятиям, особенно таким, где изображаются оттенки характера, мысли и чувства. И, наконец, 4) по его речам, т[о] е[сть] по общей связи всех или многих и постоянных³ его разговоров с людьми, не имеющими надобности стоять ни за, ни против обвиняемого. Отдельные же слова и полуизречения, ловимые на ветру или ветреными головами или подспудными доносителями, никогда не составляли достаточного извета, так как (по разуму законов) и самый извет не есть обвинение. Слово, не облеченоное делом, есть то же, что мысль необлеченная словом, т[о] е[сть] ничто! А посему-то Великая

1 Письмо написано Ф.Н.Глинкою собственноручно.

2 Вверху листа пометы чернилами: «№ 886», «4 апреля 1826».

3 Слова «и посторонних» вписаны над строкой.

Екатерина, основываясь на всеобщих истинах законодательства, оказала в наказе: «За слова не судят!» Не далее как в 1823 году и первый вельможа того времени граф Ал.Ан.Аракчеев, когда я имел у него и лично с ним продолжительный кабинетный разговор о важных предметах, между прочим, сказал мне: «Государь (в бозе почивший) никого не желает преследовать за разговоры, разве кто уже выйдет слишком из меры, и тогда отечески смирим и помилуем!»

Засим, подводя мою собственную личность под вышеизложенные правила, общие всему гражданствующему человечеству, я прошу того же, чего некогда Сократ просил у судей своих; он говорил: «Рассмотрите мою жизнь, судите мои дела!» В моих бумагах (после сделанного у меня полицейского домашнего обыска) не нашлось, а в сочинениях (кои состоят из многих томов), конечно, не найдется ничего предосудительного ни вере, ни нравственности, ни особе моих государей; напротив, сышется еще много громко похвального насчет всего царского дома, особенно в честь покойного императора, которого я душевно любил, и в честь августейшей его матери, которая меня лично знает и не раз удостаивала своими благоволительнейшими отзывами. // (л. 23)

Итак, если ни в жизни моей, ни в службе (как служу: обер-офицером с 1803-го, полковником с 1818-го) ни в дела, ни в бумагах, ни в сочинениях не найдется ничего наказанию подлежащего, то остаются к рассмотрению одни речи, но зловредность таковых, по разуму всех законов, должна быть доказана основательными актами и, по крайней мере, двумя годными свидетелями. Иначе, обращаясь ко вся кому и даже ко многим из членов комиссии, я могу сказать: «Кто ж не был жертвой клеветы?». Еще в 1821 году сделан был на меня донос, в коем доносчик (благодетельствованный мною человек) изобразил меня пред императором самыми черными красками. Сие он сделал в представленном им описании прежде бывшего благотворительно ученого общества до 1821 года. Но в бозе почивший император, взвесив все на весах своей опытной мудрости, в течение двух лет удостаивал меня особыми изучениями от своего лица, а между тем, сравнивал голословное показание доносчика с теми обстоятельными уведомлениями, кои доставляли ему с разных сторон, насчет моего поведения; и, наконец, уже в 1823 году через одну особу, имевшую к нему прямой доступ, соизволил объявить следующее: «Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему от меня, что он может оставаться спокоен!» Я не могу опустить здесь стечения обстоятельств, имеющего свою разительно приметную сторону. В предпоследний день последнего месяца 1825 года, я был взят нечаянно с постели и при заборании всех моих бумаг и тетрадей, отвезен в Зимний дворец. Там, после сделанного мне долгого и обстоятельного вопрошания (при коем я рассказал и о бытности моей в прежде бывшем обществе до 1821 года) удостоился я счаствия предстать перед лицом самого государя, когда он уже изволил рассмотреть допрос, снятый с меня г[осподино]м г[енера]л-а[дъютанто]м Левашевым. С неизъяснимою благоприветливостью государь император после многих слов незабвенных моему сердцу, изволил сказать: «Ты можешь оставаться спокоен!.. Я повторяю тебе: будь покоен!» Сие чудное повторение воли в бозе почившего из уст под богом стоящего императора преисполнило меня чувством несказанного умиления и вместе послужило залогом вернейшего обнадежения моего гражданского бытия. // (л. 23 об.)

Итак, две защитные воли двух самодержавных государей стеклись на судьбе их верноподданного. Засим император, прикоснувшись к покорной главе моей своею державною рукою, двукратно изрек: «Ты чист!.. Чист!» — и я был отпущен по высочайшей воле свободным и осчастливленным. Чрез три дня возвращены мне через полицию бумаги мои, все рассмотренные. Спустя значительное время, засим я был потребован в комиссию негласно. Я стоял лично пред членами верховного судилища и дал на бумаге ответы, кои, кажется, могут достаточно покрыть мимоходные показания, не имевшие ничего твердого в основании своем. И затем я возвратился домой, исполняя в точности волю государей моих, т[о] е[сть] был спокоен. Но за три пред сим недели я был опять взят, опозорен стыдом тяжкого ареста, постигшего меня в первый раз в жизни, посажен в каземат и остаюсь заключенным в крепость. Конечно, господь, призывающий на сирот, заключил меня в крепость веры и терпения... Но за всем тем некоторые дни кажутся очень долги... Здесь, где теперь нахожусь, пространство весьма мало, а время очень пространно и, при лишении воздуха, почти и света, очень томительно!.. В ожидании призыва моего, я,

привыкши дорожить собственным личным мнением обо мне вашего высокопре-
восходительства, долгом почитаю объявить здесь же, что я готов утвердить прися-
го нижеследующие пункты: 1) что с 1821 года я не состоял ни в каком¹ тайном
обществе; даже общество масонов оставил за несколько месяцев прежде общего за-
крытия лож. И сие сделал я именно по воле покойного государя, изъявленной мне
партикулярно в виде его желания. О сем был свидетелем и гр[аф] Алекс[ей] Андреевич;
2) что о 14-м числе (декабря) я никакого сведения не имел и никакого ни малей-
шего участия в событиях сего дня не принимал; 3) что я душевно любил покойного
императора; 4) что и к ныне царствующему сохраняю душевную вернопреданность.
А как закон гласит: «В чем застал, в том и сужу!» — то я и прошу судить меня в
сих верноподданнических чувствованиях. Засим всенижайше испрашиваю у вашего
высокопревосходительства, чтобы вы с свойственною вам христианскою кротос-
ти, простили меня, бедного затворника, в том, что окажется в письме моем *неловким* во
уважение *моего горестного положения*. Я всеубедительно прошу также у
вашего великолепия слова милости и защиты пред священною особою монарха,
пред вашим сердцем и пред собранием высокоименитых сочленов ваших.

С отличным высокопочитанием и совершенною преданностию
имеет честь быть вашего высокопре[восходительст]ва всепокорным
слугою Федор Глинка, полковник, состоящий по армии²

Апреля 2-го 1826 года
В кре[пости] св[ятых] Петр[а] и Павл[а]
Каземат №
В 21-й день по заключении

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 24)

№ 14(12)³

1826 года 6 апреля от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] полков-
нику князю Трубецкому вопросный пункт.

Подпоручик Рылеев показал, что он, полагая полковника Ф.Глинку в числе чле-
нов тайного общества, но не встречая его ни в одном собрании членов, сходив-
шихся иногда у вас и у полковника Митькова, спросил вас о причине того. На
сие вы отвечали: «Его надо оставить в покое: он нам бесполезен». К тому Рылеев
присовокупляет, что незадолго до 14 декабря вы говорили с Глинкою, но о чем, он
не знает.

Объясните, принадлежал ли полковник Глинка к вашему обществу; не имели
ли вы с ним разговора о намерениях общества; не был ли он предварен о пред-
приятии на 14 декабря или точно ли вы сказали Рылееву вышеупомянутые
слова?

Я не довольно помню, спрашивал ли меня Рылеев о полковнике Ф.Глинке и
что именно я ему отвечал, чтобы утвердительно показать о том; но, вероятно, что,
если он меня спрашивал о г[осподине] Глинке, то я отвечал или то, что Рылеев
показывает, или подобное тому; ибо Глинка // (л. 24 об.) уже давно совершенно
отстал от общества. Он принадлежал к обществу, называвшемуся «Союзом благо-
денствия», но к восстановившемуся после обществу уже не принадлежал и, сколь-
ко мне известно, то ему и предлагаемо не было.

Незадолго до 14 декабря я действительно говорил с Глинкою, но о намерениях
общества ему не сказывал и не полагаю, чтоб он был кем-либо предварен о пред-
приятии на 14 число. По крайней мере, я ему ничего подобного не сказывал и из
слов его не мог ничего заметить такого, которое бы могло заставить меня полагать,
что ему что-либо касательно общества и намерений оного известно. Глинка был
вхож к графу Милорадовичу, и я его спрашивал, какие есть слухи? Он отвечал,

1 Слова «ни в каком» написаны дважды.

2 Письмо написано Ф.Н.Глинкою собственноручно.

3 Вверху листа помета чернилами: «Читано 7 апреля».

что ожидают, что привезет курьер, что, кажется, // (л. 25) решительного еще ничего нет и что граф Милорадович говорил, что должно быть благодарну государю императору, ибо должно признаться¹, что его величество думал о спокойствии и благе отечества, когда присягнул государю цесаревичу, и что граф удивляется, что от его высочества нет известия. Иного разговора касательно тогдашних обстоятельств, сколько могу упомянуть, то я с полковником Ф.Глинкою не имел.

Полковник князь Трубецкой²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 26)

№ 15 (13)³

1826 года апреля 3-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета о злоумышленном обществе состоящий по армии полковник Глинка спрашиван и показал.

1

Давно ли вы знакомы с титулярным советником Григорием Перетцом и где познакомились с ним?

2

Часто ли он бывал у вас и взаимно вы у него? В чем состояли ваши беседы и кто разделял оные?

3

Не имели ли вы с ним каких-либо особенных сношений?

4

Были ль вы знакомы с итальянцем Жильи (Gili) и не известно ли вам // (л. 26 об.) что-либо об образе жизни и связях его с Перетцом?

5

Вопреки отрицательного показания вашего, 15 февраля Комитету сделанного, Перетц утвердительно говорит, что осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) вы приняли его в члены тайного общества и представили Кутузову и Семенову. Объясните, точно ли и когда именно вы приняли его и представили означенным лицам?

6

Далее Перетц говорил, что о названии общества и образе управления оного объявлено не было; но при приеме его вы дали вид, будто бы // (л. 27) общество только что составилось; хотя сие казалось ему невероятным, но он нескромностию своею не хотел навлечь на себя подозрение.

Поясните:

- a) Какое название имело сие общество?
- b) Когда и кем было основано?
- c) В чем состояла цель сего общества и средства для достижения оной?
- d) Где находилось местоуправление оного, кто начальствовал над ним и кто были члены, вам известные?

7

По словам Перетца причинами основания тайного общества были: несправедливости и ошибки правительства; целию — монархическое // (л. 27 об.) правление, а средствами — умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений.

¹ Слова «ибо должно признаться» вписаны над строкой.

² Ответ написан С.П.Трубецким собственноручно.

³ Вверху листа помета: «Читано 8 апреля».

Объясните: какие именно ошибки и несправедливости были причиною основания и средствами достижения цели общества?

8

По уверению Перетца, он не видел письменного устава, но вы, Кутузов и Семенов сказали ему, что по нарочитом усилении общества будет составлен план действий. Был ли оный составлен и в чем именно состоял?

9

Точно ли было сказано Перетцу, чтоб не иметь ничего письменного // (л. 28) кроме записок об именах кандидатов в члены для сообщения старшим членам, и точно ли на словах положено было:

- 1) Об употреблении сказанных средств с должною осторожностию?
- 2) О непринятии никого в члены и не открытии никому о существовании общества без согласия старшего члена, который должен был относиться к старшему же и так далее?
- 3) Не объявлять никому о многих членах, и не сказывать, что общество только что составилось, дабы не обескуражить тех, коих он будет принимать? // (л. 28 об.)
- 4) Иметь некоторое повиновение младшим старшему во всем до дел общества?

10

По предложению Перетца было принято знаком еврейское слово «Хейрут», свободу означающее, с тем, что в случае нужды для узнания друг друга члены должны были сообщать оное взаимно и постепенно по одной букве каждый.

Когда и кем было принято сие слово? Было ли оное передаваемо вновь поступавшим членам и употребляемо между ними?

11

Начальствующими лицами он знал вас, Кутузова и // (л. 29) Семенова, но более и почти единственно относился к вам по ближайшему с вами знакомству и от вас лично получал все почти разрешения на принятие членов.

Объясните: с какого времени и долго ли вы, Кутузов и Семенов начальствовали над обществом и кто заместил вас впоследствии?

12

Вы, Кутузов и Семенов возложили на него Перетца, обязанность приема в члены, преимущественно из военных.

Выбор долженствовал основываться на личных способностях // (л. 29 об.) и хороших правилах кандидата. Вся форма приема состояла в изустном сообщении постановлений общества и отборании честного слова об исполнении оных и со действиям к достижению цели, иногда с присовокуплением слов: обещаю всем, что для меня дорого и свяженно.

Вследствие сего приняты им: Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович и притом с его согласия принят Сенявиным Дребуш, а Искрицким Лаппа; сверх сего Сенявиным и Дребушем был приготовлен барон Корф, служивший в л[ейб]-г[вардии] Егерском полку. // (л. 30)

На прием Сенявина и Искрицкого Перетц разрешен был от вас, а о прочих от всех трех. Не представлял же вам их, избегая всяких сходбищ, могущих навлечь подозрение, чего вы и не желали.

Здесь объясните:

- а) Точно ли и когда сделано было Перетцу поручение о приеме в члены и особенно, когда приняты им были означенные лица?
- б) Не известны ли вам действия их в духе общества, а вместе и то, не уклонился ли кто из них от общества и когда именно? // (л. 30 об.)

13

Первую зиму по вступлении в общество Перетц однажды как-то разговорился с вами о дурном направлении французской революции. Он и вы приписывали сие тому, что участвовавшие в оной вместо преследования общей цели искали личных

выгод. При сем случае он говорил с вами, чтобы на случай успеха не искать ничего, а напротив оставаться в том положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут.

Объясните, точно ли и когда был у вас с Перетцом означенный // (л. 31) разговор, о каких именно успехах он говорил вам, когда и какими средствами полагалось достигнуть оных?

14

Несколько лет назад, во время квартирования вашего в доме адрес-конторы, когда Перетц начал уже несколько удаляться от общества, вы сделали ему вопрос: почему давно он не предлагает о кандидатах? Чтоб отделаться от вас, он отвечал вам, что не находит лиц, в которых мог бы предполагать к тому расположение. При сем случае вырвались у вас // (л. 31 об.) слова, что можно бы удесятерить успех, если бы присоединиться к обществу Елисаветы, желавшему, будто, возвести на престол государыню императрицу Елизавету Алексеевну, которого знаки, по словам вашим, состояли в елке¹ и книге завета, на печати вырезанных, чего он, впрочем, не видал. Вы² говорили ему таким тоном, как будто бы сделалось вам о том известно по службе.

Объясните:

- a) Когда и где находилось сие общество?
- b) В чем состояла настоящая // (л. 32) цель оного и кто были первенствующие и обыкновенные члены оного?
- c) У кого и когда видели вы печати сего общества с вышеозначенными знаками?
- d) Каким образом вы думали соединить общество свое с обществом Елисаветы и усилить его действия?

15

Между прочим, Перетц говорит, что, кажется, от вас он слышал, будто бы какой-то раскольничий монах из Галиции разъезжал по монастырям в России и проповедывал вольность.

Ежели обстоятельство сие вам известно, то объясните, когда // (л. 32 об.) и где разъезжал сей монах, откуда он был и как его имя?

16

Предметы совещаний и рассуждений его с вами, Кутузовым и Семеновым, Сенявином и прочими сочленами в течение около двух лет, т[о] е[сть] в то время, как он усердствовал обществу, были или принятие членов или взаимное друг другу о действиях правительства извещение: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны были облигации по 50 коп[еек] серебром, о разорительных для России иностранных займах, // (л. 33) с 1817 года без существенной нужды сделанных, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях, особенно в делах, с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности к гражданской части, о множестве чиновников и скучном жалованье, яко главных источниках запутанности и злоупотреблений, об учреждении министерств, о Государственном совете, яко новой для замедления дел // (л. 33 об.) инстанции, о взыскательности бывшего тогда великого князя Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коего³ описывали скучным и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев перед завоевателя-

¹ Слова «в елке» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

² Слово «Вы» написано другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

³ Слово «коего» написано другим почерком и другими чернилами.

ми — россиянами, о расходах России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков // (л. 34) и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что граф Милорадович будто бы обещал прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатках законодательства, о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства.

К тому Перетц присовокупляет, что в день Семеновского происшествия вы с ним встретились // (л. 34 об.) у Поцелуева моста, остановили его и сказали: «У нас начинается революция», — и рассказали ему о бунте, о коем он ничего не знал.

Здесь объясните:

а) Когда и где происходили между вами вышеизложенные рассуждения, что было поводом к тому и кто особенно в оных участвовал?

б) Точно ли при встрече с Перетцом в день беспорядка, бывшего в Семеновском полку, сказали вы: «У нас начинается революция» и почему беспорядок одного полка вы назвали революциею?

17

Для объяснения образа сношений ваших и коротких связей // (л. 35) с ним, Перетцом, он приводит следующее:

а) однажды вы говорили ему, что в разговоре с покойным графом Милорадовичем на слова графа, что и деспотизм иногда годится, вы отвечали: «Как меркурий в иных болезнях, и то гранами»;

б) вы говорили ему про одного чиновника, служившего в министерстве полиции по секретной части, который под видом донесения о слухах, носившихся в публике, будто бы подал Вязмитинову записку, в коей порицал невнимательность покойного государя императора к гражданской части; // (л. 35 об.)

с) пока усердствовал обществу, он бывал у вас часто и имел с вами частные сношения, сначала был у вас раза два или три вместе с Кутузовым и Семеновым, а после все один, впоследствии же реже чем в год раз, а с тех пор, как вы оставили квартиру свою, где находилась адрес-контора, до декабря 1825 года был у вас только один раз и то без всяких о делах общества разговоров;

д) стал он¹ удаляться от общества еще в 1821 году, ибо женился в январе 1822 года и до женитьбы долго не был у вас;

е) с первой половины 1822 года с Кутузовым только раз нечаянно у вас сошелся. // (л. 36)

18

В то время, когда Перетц стал уже уклоняться от общества и не был у вас долго, он встретился с вами на Театральной площади. Вы спросили его, куда он идет? На ответ: «К невесте своей», — вы сказали: «У вас в голове любовь, а не дело». Но причина удаления его от общества, продолжает Перетц, была не любовь, а мысль, что подобные предприятия не ведут к добру.

Не объявляя же о том правительству, во-первых, из опасения личных гонений членов общества, в том числе и от вас, по известности ему связей ваших по масонству, литературным // (л. 36 об.) обществам и по прежнему влиянию у графа Милорадовича; во 2-х, по следующему примеру, что капитан Сенявин вскоре по вступлении в общество проговорился о существовании оного одному из своих знакомых, корнету Ронову, который довел о том до сведения начальства; дело доходило до гр[афа] Милорадовича, и кончилось тем, что Ронов был выключен из службы.

Объясните:

а) точно ли при встрече с Перетцом на Театральной площади вы сказали ему означенные слова с намерением заметить бездействие его по делам общества? // (л. 37)

¹ Слово «он» вписано над строкой.

б) известно ли вам, что Ронов единственно за предварение начальства о существовании общества и по¹ неимению доказательств к изобличению Сенявина исключен был из службы?

19

За несколько дней до 14 декабря Перетц² заходил³ к вам, но не застал вас; на другой день (не на⁴ кануне 14 декабря, а близь того) нашел вас дома; после обыкновенных приветствий вы спрашивали Перетца о новостях; на ответ его, что говорят о скором восшествии на престол⁵ государя Николая Павловича, вы сказали, что сами то же слышали; несколько // (л. 37 об.) помолчав, вы спрашивали Перетца о его связях; на ответ, что они ограничены Сенявином и Искрицким и что с последним почти не видится, вы сказали, что Искрицкий бывает во многих домах, и про себя, что и вы живете весьма уединенно; о народе вы сказали, что он необыкновенно тих и покоен, но что нельзя знать, не оттого ли, что ожидают Константина Павловича. На замечание же Перетца, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», вы изъявили подобное же мнение с присовокуплением, что от царствования Константина Павловича можно было // (л. 38) ожидать ненасильственной перемены; потом спрашивали Перетца, не видится ли он с Кутузовым, и на отрицательный ответ вы сказали, что Кутузов совсем переменился и едва ли не шпион. Пред самым⁶ уходом Перетца вы произнесли как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим».

При сем посещении вас цель Перетца была узнать: не предпринимают ли чего-либо, ибо, помня о существовании общества, опасался он, чтобы не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова // (л. 38 об.) ваши и собственные опасения утвердили его в сих мыслях.

Объясните:

1. Действительно ли и когда именно Перетц был у вас незадолго до 14 декабря и имел с вами вышеупомянутый разговор?
2. Не сообщал ли он вам чего-либо насчет причин, возбудивших в нем опасение и утвердивших его в ожидании возмущения?
3. Не говорил ли он вам о намерении своем предупредить о том начальство?

20

15 декабря Перетц опять заходил к вам, но не застал, а от человека вашего узнал, что вы // (л. 39) почти всю ночь не были дома и, прия домой, даже не раздевались и, напившись чаю, опять ушли. После того Перетц опасался быть у⁷ вас, а недавно нечаянно встретился с вами в книжной лавке Плавильщика, где вы, между прочим, сказали Перетцу, что были взяты, но отпирались в желании перемены образа правления и опять отпущены и что будто говорили санкт-петербургскому военному генерал-губернатору, что вы перемены образа правления не желали, а видели несправедливость и вопиали // (л. 39 об.) и что будто сказали ему, что и его превосходительство сам прежде говорил против несправедливостей.

Перетц хотел быть у вас для совета, не объявить ли о себе, но вы сказали, что опасно видеться.

Объясните:

1. Где вы провели ночь с 14 на 15 декабря?
2. Точно ли вы имели с Перетцом в магазине Плавильщика означенный разговор и почему вы сказали ему, что опасно видеться вам?

Г[енерал]-адъютант Бенкендорф // (л. 40)

¹ Слово «по» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

² Фамилия «Перетц» вписана над строкой другим почерком и другими чернилами.

³ Далее стерто одно слово.

⁴ Слова «не на» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

⁵ Слова «восшествии на престол» написаны вместо стертых слов.

⁶ Слова «пред самым» вписаны вместо стертого слова.

⁷ Слово «у» написано вместо стертого слова.

Ответы полковника Глинки на присланные пункты

На 1-й, 2-й и 3-й пункты

Известное дело¹ отца Перца поступило в течении² своем, и именно со стороны личности самого Перца, в³ круг управления покойного гр[афа] Милорадовича; сын Перца, Григорий, числился в канцелярии гр[афа] Милорадовича, а я по высочайшему повелению находился¹ в качестве чиновника по особым поручениям при граве Милорадовиче⁴, бывшем тогда⁵ в звании С[анкт]-П[етербургского]⁶ военного генерал-губернатора.

Некто ярославский крестьянин Синицын сделался особенно известным лицом в зале просителей, потому что с невероятным терпением в течение нескольких месяцев по несколько часов в день простоявал безмолвно у стены⁷, ожидая графа и повторяя ему всегда одну и ту же просьбу. Просьба же его состояла в том, чтобы бывшие откупщики Перец и Мещерский удовлетворили его 1500 рублей. Вот, однажды гр[аф] Милорадович на общей аудиенции сказал мне: «Надобно удовлетворить этого старика! Ты знаком с Перецем?» — Я отвечал: «Нет!». — «Ну, так все равно: сын его служит в моей канцелярии, сделай добро старику, уладь это дело». Получа сие приказание, я спросил в канцелярии Переца (Григория) и сообщил⁸ ему желание графа. Он обещал постараться у отца. Чрез некоторое время, когда помянутый Синицын переменил место своего неотступного просительства и стал уже всякий день ходить на квартиру ко мне, я написал учтивую записку к Перецу и послал ее через того же просителя. // (л. 40 об.)

Дня через два¹ Перец (Григорий) явился ко мне с ответом. Оный был до некоторой степени удовлетворителен, т[о] е[сть] Перец (отец) соглашался уплатить часть претензии.

Вот первый раз появление Переца в моей квартире! Это было в 1820 году между концом лета и началом осени.

В этот раз Перец просил у меня позволения заходить ко мне. Я не имел причины отказать и дозволил. С тех пор гр[осподи]н Перец сделался у меня почти то, что Синицын был в передней Милорадовича. Он стал заходить ко мне очень часто, не всегда заставал, но когда заставал, то сперва удивил, а там уже надоел мне своим словообилием.

Я с ним не беседовал, но одевался ль я, писал или занимался каким делом — он все, сидя, говорил беспрестанно. Отличительные черты его говорения (сколько могу чрез пространство пяти лет припомнить) были те, что⁹ иногда изливался он в жалобах (особенно на министра Гурьева) за то, что дело их велось так для них¹ невыгодно: большею же частию он старался всемерно выказывать важность своей особы, говоря, что он имеет связи и вхож в первые дома в столицах. Я слушал все это вскользь, полагая видеть в сем невинное усилие мешанина войти в дворянство.

Далее, припоминаю я ниже следующие более заметные мнения из многословной пустоты разговоров гр[осподи]на Переца, а именно:

1. Придя ко мне однажды, Перец принес стихотворение, говоря, что оно его сочинения и что оно мистическое. «Вот, видите ли, — говорил он, — ныне мистики идут в гору... то я и решился к ним пристать и уже со многими знаком!» И назвал мне, как бы из главнейших, медика Лебошица. Засим просил меня поправить его¹⁰ стихи. // (л. 41) (Они были написаны на цельном листе бумаги и пра-

1 Далее зачеркнуто одно слово.

2 Над словом «течении» написано и зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто: «зав[...].».

4 Слово «Милорадовиче» вписано под строкой вместо зачеркнутых слов «бывшим», «нашим».

5 Слова «бывшим тогда» вписаны на полях.

6 Слова «С[анкт]-П[етербургского]» вписаны над строкой.

7 Далее зачеркнуто: «и».

8 Слово «сообщил» написано над строкой вместо зачеркнутого слова.

9 Слово «что» вписано над строкой.

10 Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

вильными строфами с рифмою). Но я, прочтя сии стихи, отдал их обратно, сказав: «Я не могу поправлять того, чего не понимаю» (тогда я не знал еще особенностей и оборотов, усвоенных, так называемому, мистическому роду)¹.

2. В другой раз принес он мне те же стихи с присовокуплением еще других стихов; те, другие, помнится, написаны были не тою, что прежние, рукою и в них уже было более ясности, напевалось о чем-то любовном, стонательном, но все так, общие места, плоско!..

Тут же Перец давал мне чувствовать, что он очень желал бы быть принятным в литературное общество. Но я сказал на сие, что для сего нужно иметь решительный талант и уже быть мастером, по крайней мере, в механизме (в составлении) стихов.

3. В одно утро он очень много напевал о необходимости общества к высвобождению евреев, рассеянных по России и даже Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа². Он говорил, что, кажется, отец его, когда был еще богат, имел мысль о собрании евреев, но что для сего нужно сообщество капиталистов и содействие ученых людей и проч[ее]. Тут расположился он о том, как евреев собирать, с какими триумфами их везти и проч[ее], проч[ее]. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: «Да вы, видно, хотите приединить преставление света? Говорят, что в писании сказано (тогда я почти³ не знал еще писания), что когда жиды выйдут на свободу, то свет кончится». // (л. 41 об.)

4. Из памятнейших мне предметов говорения Переца был разговор об известном тульчинском раввине, который хаживал к Милорадовичу играть в шахматы, был знаком со знатными людьми и слыл⁴ кабалистом. Заметив, что я охотнее слушаю и говорю что-нибудь о сем раввине, чем о чем другом (ибо, признаюсь, я всегда имел склонность к чудесному) Перец⁵ часто мотивировал свой приход, начиная тем: «Я видел раввина, раввин приказал вам кланяться», а там садился себе и болтал.

5. Перец, узнав, что⁶ производится⁷ сбор на выкуп Сибирикова, приносил (и несколько раз по 25 и 50 рубл[ей]⁸) деньги.

6. Перец однажды просил меня о принятии его в масоны и говорил, что он знаком с доктором Элизеном (бывшим масти[ером] [ ] ложи⁹ Петра) и другими важными¹⁰ масонами. Но я подумал про себя: как мне рекомендовать этакого баглугура; смеяться станут. Затем спросил: «Вы, г[осподи]н Перец, кажется, очень охотники до обществ?» «Да, — отвечал он, — мне бы хотелось проникнуть¹¹ особенно в¹¹ тайные общества», — и начал бредить что-то неясное о какой-то скрытой¹² науке, посредством коей можно открывать все тайные общества, и намекал, будто и он в сей науке сведущ. Но что это и как, не сказал, а я и не спрашивал.

7. Однажды, накануне, было у меня собрание мал[ого] колич[ества] некоторых членов общества учреждения школ взаимного обучения или проще, ланкастерских. Перец приходил, но его не¹³ пустили: человек сказал: «Нельзя сегодня вам войти, теперь занимаются, тут общество!» // (л. 42)

8. На другой день Перец был уже у меня и заводил разговор об обществах, вспрашивался опять в масоны. Но в масоны я решительно ему отказал, а сказал: «Вот, коли у вас такая охота до общества, то не хотите ли сейчас вступить в одно

¹ Три строчки от слов «чего не понимаю (тогда я...)» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

² Четыре строчки от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

³ Слово «почти» вписано над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто: «ка[...]».

⁵ Далее зачеркнуто: «уже».

⁶ Далее зачеркнуто: «что».

⁷ В слове «производится» часть «водится» вписана над строкой вместо зачеркнутой части слова.

⁸ Далее зачеркнуто: «как от родных лиц».

⁹ Слово «ложи» вписано над строкой.

¹⁰ Слово «важными» вписано над строкой.

¹¹ Далее зачеркнуто одно слово.

¹² Слово «скрытой» написано над строкой вместо зачеркнутого.

¹³ Слово «не» вписано над строкой.

прекрасное общество; члены-управляющие люди все благородные и цель преблагодетельная». Перец очень охотно вызвался, потом спросил: «Какое же это общество?»¹ Я отвечал: «Это ланкастерское!». — «Какие ж тут обязанности? Какая цель?» Вместо ответа я подал ему² *печатный листок*, в котором накоротке сказано о вновь учредившемся обществе. К сему присовокупил я: «*Устав* общества, когда будет утвержден, вам предъявится, ваши обязанности: хвалить везде общество, рекомендовать его цель (изображенную в печати[ом] листке), набирать членов и присыпать деньги в кассу комитета. Вы же сами должны внести единовременно 25 рублей, а если угодно³, более и ежегодно по столько же». Перец тотчас вынул, помнится⁴, более 25 *рублей*; имя его было записано, и он впоследствии, кажется, прискал и еще несколько человек и присыпал деньги.

9. В одно утро, когда сидел у меня Перец, вошел мой приятель Николай Иванович Кутузов (бывший измайловец). Мы с ним⁵ заговорили, а Перец продолжал болтать⁶ опять что-то неясное, кажется⁷, о тайнах контрабандистов, о городских вестях и проч[ее]⁸. Тут Кутузов дернул меня потихоньку за рукав и, вызвав в другую комнату, сказал: «Не *шипион ли это?*», «Нет, — сказал я ему, — это жид Перец, который приносит деньги для Сибирякова, записался в ланкастерскую школу (в л[анкастерское] общес[тво]) и уж надоел мне ужасно болтливостию... Хотите ли я вас познакомлю с этим чудаком?» Засим мы вошли, и я сказал: «Вот Перец, сын такого-то! А вот Николай Иванович Кутузов, друг мой!». Потом прибавил: «Г[осподи]н Перец поступил в нашу ланкастерскую школу членом // (л. 42 об.) и обещается нам прискать членов и пожертвователей». Перец тотчас и начал изливать свое словообилие на Кутузова.

10. После того не знаю, два ли, три ли раза Перец виделся у меня с Кутузовым, но Кутузов, как казалось, трактовал Переца более⁹ как шута. Однако ж, скоро после сказал мне: «Воля ваша, вы всякий сброд к себе пускаете, а этот Перец *что-нибудь* да должен быть¹⁰. Я никак *не*¹¹ могу привыкнуть к этому лицу!» Я рассмеялся, однако ж про себя подумал: «Может быть, он подсыпается от Гетуна, у которого он жил под крылом и который тогда свирепствовал против меня? Что значит эти частые посещения? Эта неотвязчивость? Как знать?» И с сего¹² времени я стал уже смотреть *инными глазами* на Переца...

11. Невдолгে затем, заехав от должности на минуту домой, я застал в моей комнате дверь отпертою и Переца там, позириующего около стола, на коем лежали мои бумаги. Я обошелся с сим непрошеным гостем очень¹³ сухо, и Перец убрался. Тогда я крикнул человека и начал его бранить: «Зачем ты пускаешь без меня этого Переца?» «Да, помилуйте! — сказал человек. Нет дня, чтоб он не приходил, да вас часто не застает; он сидит у нас в лакейской и разговаривает, дает на водку деньги и все расспрашивает, что вы делаете? Когда ложитесь? Где больше бываете? Кто к вам ездит? Ему до всего дело...» Тогда я уже сказал решительно: «Слушай, ты! Не пускай Переца никогда! Никогда! И говори прямо: "Барин, де, не велел принять!"».

Вот с этого уже времени Перец и не вступал в мою комнату. Сколько мне засвидетельствовано, раз *десять* или более приходил он в лакейскую, но его далее не пускали.

1 Восемь строк от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто «и».

4 Слово «помнится» вписано над строкой вместо зачеркнутого «кажется».

5 Далее зачеркнуто: «что-то».

6 Далее зачеркнуто: «что-то». Слово «болтать» вписано над строкой вместо зачеркнутого «вратя».

7 Слово «кажется» вписано над строкой.

8 Слова «неясное, кажется, о тайнах... вестях и проч[ее]» вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

9 Слово «более» вписано над строкой.

10 Далее зачеркнуто два слова.

11 Три строки от слов: «Перца более как шута...» на полях отчеркнуты карандашом.

12 Слова «с сего» вписаны над строкой вместо зачеркнутых «после того».

13 Далее зачеркнуто одно слово.

И наконец, уже чрез значительное время человек ко мне вошел и сказал: «Перец-с!» — «Ведь тебе не велено его впускать!..» — «Да он просил доложить, что он // (л. 43) отъезжает завтра и надолго из Петербурга...» Я отвечал: «Ну скажи, что барин велел вам пожелать счастливой дороги!..» От сего времени я уже потерял Перца совсем¹ из виду и более не думал о нем².

На 4-й пункт

С итальянцем Жильи (Guli) никогда нигде и ни через кого ни знаком не был, не видался и³ не слыхал о нем (NB итальянца: певца и музыканта Жюльяни я знаю, он в хороших домах учит петь) даже и от Перца, который любил говорить о своих знакомствах, но все более с известными людьми и знатными домами.

На 5-й пункт

5-й пункт объяснен уже выше предшествовавшим. Повторить могу только то, что я Перца ни в какое тайное общество не принимал. Как его Кутузов узнал и понял — описано; а следует только сказать о Семенове и о его у меня помещении на время.

О Семенове

Семенов, по имени Степан Михайлович, по чину (тогда был) титулярный советник, сын священника Курской губернии, учился с большим успехом в гимназии, потом в Моск[овском] университете. Сей Семенов не был бы принят в прежде бывшее (ученое и благотворительное) общество по званию своему; но рекомендован был как знающий законы (юрист) и практически⁴ исполняющий обязанности различных добродетелей, а именно: человек он был трезвый, умеренный, весьма прилежный⁵ по службе (служил тогда у министра духовных дел по уголовной части), а более всего рекомендовало его то, что он получая не более тысячи рублей, содержал себя, воспитывал детей брата и поддерживал престарелую мать. // (л. 43 об.)

По всем сим отношениям я познакомился с Семеновым и — когда у него не достало квартиры — предложил ему у себя комнату на время. Таким образом Перец и видел у⁶ меня Семенова, но, кажется, очень редко. Я думаю, что едва ли он (Перец) знает хорошенъко не токмо род и родство, но даже имя и отчество Семенова; ибо он слыхал, что я слуге говорю: «Скажи Семенову то-то», и все называл более⁷ по фамилии. После⁸ Семенов от меня переехал, но там от высшего начальства отправлен в Курск на следствие, где и был несколько лет и, таким образом, и скрылся из моего вида.

На 6-й пункт

На 6-й пункт со всеми его подразделениями (а, б, с и д) могу только сказать то, что я ни имени такого общества, ни⁹ где оно было, ни что делало, ничего вовсе не знаю!

На 7-й пункт

Первая половина сего пункта, составленная из слов Перца, не имеет никакой правды. Но поелику 2-я половина (сего 7-го пункта) имеет некоторое подобие с тем, что было в прежде бывшем (ученом и благотворительном) обществе в отношении деятельности к обнаружению¹⁰ злого и восхвалению доброго и поелику я о сем имел честь¹¹ говорить в последний раз пред высокоименимым Комитетом, то я и

¹ Слово «совсем» вписано над строкой.

² Три строки от слов «пожелать счастливой дороги...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Далее зачеркнуто: «даже».

⁴ Далее зачеркнуто: «исполняющий добро».

⁵ Слова «весьма прилежный» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «неутомимый».

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слово «более» вписано над строкой.

⁸ Далее зачеркнуто: «что».

⁹ Слово «обнаружению» вписано над строкой вместо зачеркнутого «открытию».

¹⁰ Слово «честь» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

поставляю обязанностию здесь о сем распространиться более. В *прежде бывшем обществе*, преимущественно¹ в *отделениях*, упражнявшихся в *науках, благотворении, правосудии и улучшении нравственности*, существовал обычай *стараться обнаруживать*² действительно дознанное зло и³ возвышать *добро*, подавая руку помощи и *заступление по закону*⁴ // (л. 44) угнетенной *невинности* и простодушной *правоте*, уловленной *теми*, о коих в настольном указе (на зерцале) сказано, что *они «подбирают законы как карты и подкапывают фортецию правды»*. Сие обыкновение прицельть зло и помочь добру казалось *тогда невинным*, ибо люди (за 7 лет пред сим) были моложе, и чувствительность их была раздражительнее, а чувство⁴ правды было более пылко и более порывисто. Желание² отклонить какое-либо⁵ местное злоупотребление и приобрести уменье помочь беспомощному, отстоять на суде сироту и *объяснить*, доводя до начальства, *существо дела*: вот побуждения, заставлявшие² членов с любовию заниматься сухим и скучным изучением законов. Тогда с благоговением читали сей указ (императрицы Елизаветы Петровны), который начинается в таком разуме: «Возболело материнское сердце наше, когда достигло нашего слуха, что в земле российской в народе благочестивом начинает распространяться более и более зло, называемое⁶ *лихоимством*». Тут следуют⁷ увершания и примеры⁸, почерпнутые из истории и св[ященного] писания: говорится, что «суд правый — есть суд божий» (смот[ри]: ветхоз[аветная] к[нига] 2, гл[ава] 2)⁹ и проч[ее], проч[ее].

Вследствие сего по¹⁰ обнаружении злоупотреблений^{*11} (чрез доведение об оных до сведения высшего начальства и высочайших особ) памятны мне следующие события:

а) Некто *Михаило Васильев*, крепостной человек помещика Е[...], был посажен, находясь¹² в здравом разуме, в *дом сумасшедших*, где и сидел несколько месяцев (до 4-х месяц[ев]). О сем проведал как-то *Н.Годеин* и, рассказав мне сие, с большим желанием¹³ советовался, как бы избавить сего несчастного? // (л. 44 об.) О сем снесено было с другими и положили *так*, чтобы *одни взялись* чрез² знакомых постыдить деликатно помещика и сказать, что дело уже известно.., что о сем говорят уже в городе², а потому не лучше ли ему вынуть своего человека и помиловать его. *Другие*¹⁴ (кажется, о сем просили *Перовского*) обещали довести до сведения бывшего в[еликого] к[нязя] Николая Павловича, а я взялся рассказать о сем графу Милорадовичу. Чрез несколько времени помещик не смягчился: а е[го] и[мператорское] в[ысочество] Николай Павлович изволил отдать однажды во дворце Милорадовичу кусочек бумаги с именем «Михаило Васильев». И видно, при том что-то Милорадовичу сказал, потому что он, приехав домой начал шуметь и говорил: «Вот что у нас делается!» и хотел было, увидя меня, рассказывать, но я дал ему знать, что про это уже знаю, и *пояснил дело*. Итак, тотчас послали в дом сумасшедших, вынули оттуда человека, призвали медицинский факультет — и нашли, что он *здоров и совсем не сумасшедший!* Таким образом, кажется, для пользы

* Мы жили при таком благодатном государе, что, видя зло, молчать¹⁵казалось стыдно, а говорить было не опасно! Порицать худое иногда заставляло тихое желание лучшего, а желать того — любовь к отечеству.

1 Далее зачеркнуто: «существова[...]».

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто: «подавить».

4 Далее зачеркнуто несколько слов.

5 Слова «какое-либо» вписаны над строкой.

6 Далее зачеркнуто: «лих[...]».

7 Слово «следуют» вписано над строкой вместо зачеркнутого «начинаются».

8 Слова «и примеры» вписаны над строкой.

9 Слова «(смот[ри]: ветхоз[аветная] к[нига] 2, гл[ава] 2)» вписаны над строкой.

10 Слово «по» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

11 Далее зачеркнуто: «доведение».

12 Слово «находясь» вписано над строкой вместо зачеркнутых двух слов.

13 Слова «с большим желанием» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «чувством».

14 Далее зачеркнуто: «обещали».

15 Далее зачеркнуто одно слово.

общей и правительства¹ многие взяточники обличены*, люди бескорыстные восхвалены², многие невинно угнетенные получили защиту, многие выпущены из тюрем и, между прочим, целая толпа, сидевшая по оговору воровского атамана Розетти³. Иные⁴, уже высеченные⁵, (по пересмотрении дел) прощены и от ссылки избавлены. Духовской купец Савастеев уже с дороги⁶ в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семейство, а другой, костромской мещанин, высеченный, лишенный доброго имени и сосланный в крепостную работу, когда успели сделать, чтобы дело о нем было пересмотрено (разумеется, по высочайшему повелению *Московским сенатом*), был (сей мещанин)⁷ найден невинным и освобожден от крепостной работы, и возвращен восвояси и⁸ отдано ему честное имя⁹. Для показания, за образец, каким образом совершилось в совокупности какое-либо *добroe предпriaтиe*, я // (л. 45) укажу на одно из собраний *нашего³ отделения*. В квартире Кошкуля собрались однажды: Кавелин, Миркович, Годейн, я, Кошкуль, Башуцкий, еще не помню, кто! Толковали о том, как помочь целому бедному семейству, кажется, чиновника Баранова (*Кавелин* вернее о сем знает, ибо, кажется, он о помоши⁸ и предлагал). Дело состояло в том, что сей чиновник сидел шесть лет⁹ на гауптвахте под судом, а когда кончился суд, то признан невинным. Но в протечении сего времени сие семейство лишилось *всего* и не имело ни угла, ни хлеба куска. А потому одни и взялись довести до начальства (не помню, в каком начальстве был сей чиновник) о *пострадании* сего человека³; Кошкуль³ вызвался запросить денег у гр[афа] Потоцкого, я взялся составить записку, а некоторые положили стараться в городе о помещении двух малюток сего³ бедняка и хотели послать доктора к больной их матери.

Успех сего был таковой, что, когда свиделись³ не то у меня, не то у Годейна, то оказалось, что чиновник получил от своего начальства некую *награду за пострадание*; Кошкуль привез от Потоцкого (граф[а] Александр[а]) 200 руб[ей] денег; да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])¹⁰; матери помог доктор, а детей разместили по добрым людям... Так и совершилось круговое благополучие сего семейства.

Но сколь ни привлекательна кажется сия живая, сердечная деятельность, имевшая вид некоего *нравственного рыцарства* через мирное воевание противу зла и защиты добра, однако и она, как я теперь вижу, может почесться заблуждением... // (л. 45 об.)

Но что ж делать, если уже законы природы¹¹ таковы, что и *душа* человеческая умудряется и, как все прочее, созревает *постепенно!*.. Если б я имел за 5, 6 и 7 лет пред сим тот же опыт как теперь, то не подвергся бы ныне¹² порицанию за то (за борьбу противу зла), что тогда казалось очень хорошим. А, может быть, меня об-

* В известной (французской) печатной книге о карбонарах сказано: «Чтоб огорчить народ, старайтесь всеми мерами определять к местам взяточников и поддерживайте их, закрывайте их дела; бедных давите, отличайте криводушных, пренебрегайте добродетели, словом, щадите всякие злоупотребления, дабы народ, прискутив настоящим порядком вещей, сказал: "Дайте нам что-нибудь новое!"». Такова *деятельность карбонаров!* А прежде бывшего (до 1821 г[ода]) общества деятельность¹³ в *непощажении* зла была совершенно *противукарбонарская!*..

¹ Слова «кажется, для пользы общей и правительства» вписаны над строкой.

² Слова «люди бескорыстные восхвалены» вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Слово «Иные» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «Одни».

⁵ Далее зачеркнуто: «из».

⁶ Далее зачеркнуто: «и».

⁷ Слово «и» вписано над строкой вместо зачеркнутого «с».

⁸ Слова «о помоши» вписаны над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто: «на».

¹⁰ Слова «да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])» написаны вставкой на полях.

¹¹ Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

¹² Далее зачеркнуто дважды написанное слово «пор[...]».

¹³ Слово «деятельность» вписано над строкой.

жанывало и мое¹ самолюбие!.. Но — как мне замечено высокоименитыми членами Комитета — признаться² почтеннейшему генерал-адъютанту Левашеву (в той нашей деятельности) не умел я потому, что я³, право, те дела считал в числе⁴ довольно хороших дел моей жизни!

Теперь же, при последнем моем стоянии пред лицом Комитета, когда его высокопревосходительство Павел Васильевич (на мои слова о том, что делалось) произнес: «А кто вам дал право?» и проч[ее], я сими его словами, как бы словом здравого смысла и правды, смущился более, нежели всеми пустыми показаниями Перца и, когда пришел к себе в каземат, то в слухе моем все отзывалось: «Кто вам дал право?» Соображая сие с тем, что приобрел в течение 5 лет несчастий и бдения над собою — когда, закрыв глаза для слабостей других, смотрел только на собственные пороки — я признаюсь, что был в заблуждении.

В позднейшие времена (противу вышеозначенных)⁵, взирая на вещи с высших точек зрения, узнал я *те великие истины*, кои, вводя ретивость наших чувств в покорность и бесстрастие, поставляют человека в безмолвное созерцание всего делающегося на земле. Великие *часы земные* заводятся *ключом небесным*, и все идет так, как ему идти надобно. // (л. 46) Ропот твари огорчает и тварь, и создателя. Я познал, что и зло попускается *на времена*². Полезно и зло, ибо оно бывает уроком к добру! Одно поколение, наскучив мздоимством, коварствами, безмерною роскошью и всепокорительною суетностью, невольно передает детям своим любовь к бескорыстию, к прямодушию, к простой бескабальной жизни, ко всему благороднейшему, возвышеннейшему, чистейшему!.. А почему я охотно и сознаюсь в заблуждении... Но поелику *бывшего* можно только *не повторять*, а нет уже⁶ возможности сделать *бывшего* как бы не существовавшим, то я и заменяю сию неотвратимую невозможность чистосердечнейшим раскаянием.

Объяснив все сие, поспешаю обратиться к делу Перца.

На 8-й и 9-й пункты

8-й и 9-й пункты, как в целом, так и в подробностях, суть пустое сочинение и, как мне сдается, отзываются некоторым сходством с теми обществами, кои описаны аббатом *Барюэлем* в известной книге «Волтерианцы».

10

Такого общества, где употреблялось еврейское слово «Хейрут», поистине, поистине (если такое общество еще было?), я не знал и не могу сказать ничего, где и что оно такое. // (л. 46 об.)

11 пункт

На сей 11-й пункт я могу тоже сказать, что такого общества я и в глаза не видывал! Начальствовать же ни мне, ни Кутузову, ни Семенову и⁷ не над чем было, ибо такого общества в виду нашем не было!

12 пункт

Первая половина сего⁸ 12-го пункта заключает в себе также только сплетения. Останавливаюсь на именах:

а) *Синявина* я никогда нигде не знал, думаю, и он не знает меня! И⁹ его отца (адмирала), коего душевно уважаю по славе его, доселе не знаю, т[о] е[сть] не знаком с ним лично!

1 Слово «мое» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Слово «я» вписано над строкой.

4 Слова «в числе» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

5 Далее зачеркнуто: «узнал я».

6 Слово «уже» вписано над строкой.

7 Слово «и» вписано над строкой.

8 Слово «сего» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «к».

b) *Искрицкий*. Когда я был раз у старика Перца на чинном обеде (вместе с председателем угол[овной]¹ палаты и прокурором), то, кажется², он с Искрицкими жил так, что он в середнем, а те в верхнем этажах: следовательно, Григорий Перец с Искрицким однодомцы, могли видаться каждый день, и Перец мог принять его во что-нибудь. А доказательством тому, что³ Искрицкий не от моего имени принял служит то, что я одно время⁴ встречался с ним часто у камергера графа Д., где я по давнему знакомству с графом был как свой, а Искрицкий там искал и ко мне ласкался, то чего ж бы было ближе Искрицкому сказать мне, что он *одного со мною общества* и тому подобное? Но Искрицкий никогда не токмо словом, ниже видом не показал мне, что он в каком-либо обществе обретается, иначе бы я тотчас вывел его из заблуждения, ибо тогда⁵ (после 1821 года) прежде бывшее общество уже разрушилось. // (л. 47)

Устимовича и Лаппу я в жизнь мою⁶ никогда нигде не видал и с ними никаких сношений ни личных, ни письменных не имел.

Данченко же и Дребуша, хотя я лично не знал, но припоминаю (по фамилиям), что они точно состояли (и по крайней мере, с 1818 года) в прежде бывшем обществе (учено-благотворительном). Спросить бы их: как же дозволили они (если так было?) перепринять себя⁷ в другое и какое-то странное — с жидовским словом⁸ — общество, когда в обычности *прежде бывшего* (до 1821 года) общества было именно то, чтобы⁹ сказываться своим, если кто даже и в¹⁰ масоны вступить приглашался?

13 пункт

Французская революция! Сие имя возбуждает во мне всегда ряд ужасных представлений и сильно волнует мою чувствительность! Сие смешение крови, огня, мятежей и неистовств, сие взаимное сотирзание страстей, гибель невинности, торжество порока, сей *Марат*, требующий трех миллионов голов, дабы остальным просторнее было жить, сей *Робеспьер*, который свирепствовал как тигр, а умер — как подлец, сей параличный *Кутон*, разрушитель Лиона, сей холодный кровопийца *Лебон*, который по суду и систематически зарезал целый город *Арас* (свою родину) и велел вырезать у себя на печати *гильотину* и всю живность для своей кухни *резать на гильотине* (!!!) — сии люди, сии обстоятельства чего могут быть достойны кроме беспредельного омерзения? // (л. 47 об.)

Безумные хвалили ум; беззаконники срамили закон; проповедывали свободу, закрепостили души страстям; и благородная *Ролан* (жена министра) сказала, восходя на эшафот (подле которого стояла колossalная статуя свободы): «О свобода! Сколько злодеяний совершается во имя твое!» Они судили и на суд их не являлись ни кроткое жаление, ни всепрощающая любовь, ни милосердие, уголяющее ярый огонь обличения: во всяком обвиняемом они искали виновного и суд их был только — осуждение!

Какие же тут лица? Какие личные выгоды!!! Я уважаю только два лица: аббата *Еджеворта* и высокодобротельного *Малерба*, который — и под кинжалами убийц — осмелился говорить за *страдальца*, развенчанного насилием и осужденного по закону беззаконием!.. Еще люблю я немножко *Верньио*. Его большая статуя и теперь подле лестницы люксембургской. В руке его развернут свиток, на нем читаешь: «Правосудие должно быть открыто и светло, как солнце небесное!» Но солнце имеет два великих качества: светлость (только сияющую) и теплоту (греющую). Первое — правда, а вторая — милость. Вот мои мысли! Вот мои

1 Слово «угол[овной]» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто: «его».

3 Далее зачеркнуто: «с».

4 Далее зачеркнуто: «вид[...]».

5 Далее зачеркнуто: «пре[...]».

6 Слова «в жизнь мою» вписаны над строкой.

7 Слово «себя» вписано над строкой.

8 Слова «и какое-то странное — с жидовским словом» вписаны над строкой.

9 Слова «то, чтобы» вписаны над строкой.

10 Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

слов! Так я *всегда* говорил, так *печатал* и теперь запечатываю *сие* истинностию и чистосердечнейшим уверением в том, что не имею иных понятий о великом бедствии, постигшем Францию, которое называют Французскою революцею. // (л. 48)

14 пункт

И на¹ сей 14 пункт то разве могу сказать, что я знака елки и книги завета ни у кого не видал, печатей с сим знаком никогда не имел, ни в слепках² (с печатей) нигде не видал изображения елки и книжки. О существовании же, якобы, общества под сим знаком, ни где оно, ни что оно³, мне совершенно неизвестно! А говорил я не раз⁴, когда ланкастерская школа была в свежем ходу, что: «Если бы общество Елизаветы соединилось с нашим (с Михайловским), то мы гораздо бы сильнее были в способах и могли бы сделать какое-нибудь заведение более прочное»⁵.

Примечание] при профанах (или непринятых в таинства масонства) не говорили Восток, Великий Восток или ██████████ Елизаветы — к добродетели или ложа *Избр[анного] Михаила*, а говорили просто: общество Елизаветино, общество Михайловских б[ратьев] и проч[ее].

Я говорил сие, потому, что члены (по-масонски — братья) обще[ства] Елизаветы заводили также училище на двадцать пять сирот, а у нас⁶ школа человек на 200, только у них дети и жили, и ели⁷, и спали в заведении, а наши только могли приходить часа на три в сутки и потом возвращаться домой, где часто не находили и хлеба⁸!..

На 15 пункт

Вот образчик показаний! Тут совсем дело шло *не о вольности*, а о нелепейшей⁹ деревенской басне. Один мужик рассказал, а там дал и на записке — лично мне и не по обязанности, а так... — нижеследующий слух или молву, что якобы какой-то // (л. 48 об.) монах, но не *наш* (не в клубуке), а раскольничий монах, такой же мужик, проезжая из *Устилуга по некоторым местам*, говорил *своим толкунам* (так называются раскольничие ученые), что не надо де ни браков брачить, ни детей родить, ибо близко уже есть *преставление света* и что есть уже¹⁰ и апокалиптическое лицо, имеющее явиться пред концом мира, понеже сказано в *апокалипсисе* (и это соврано: так не сказано!), что *оно* (сие лицо) должно быть царь великий, славный, имущий многие народы под собою! Посему и намекал он на¹¹ покойного государя, который, напротив, *весь был во Христе!*.. Ничем не будучи подтверждено, это было принято за суший вздор и брошено! После, иногда, когда кто-нибудь из приятелей заговаривал о женитьбе, я шутя, говорил иным: «Ей, постерегитесь: мужик ездил по России и проповедывал, что не надо жениться: скоро будет представление света!».

На пункт 16-й

В сем пункте есть некое тщательное собрание, сближение, слитие воедино таких вещей, в коих, с одной стороны, мне мнится узнавать те слухи или *толкования*, кои досужими шпионами *мелкого разбора* собираются по харчевням, в торговых банях, на мостах и даже самою полициею почитаются за пустяки. С другой

1 Далее зачеркнуто: «на».

2 Далее зачеркнуто: «ни».

3 Далее зачеркнуто: «мне».

4 Слова «не раз» вписаны над строкой.

5 Четыре строки от слов «ходу, что: «Если бы общество...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

6 Далее зачеркнуто одно слово.

7 Слова «и ели» вписаны над строкой.

8 Шестнадцать строк от слов «А говорил я не раз, когда ланкастерская школа...» отмечены на полях вначале и в конце косыми линиями.

9 Первоначально было: «нелепой».

10 Слова «есть уже» вписаны над строкой.

11 Слово «на» вписано над строкой.

стороны, кажутся тут слышны отголоски тех воплей, кои некоторые частные лица произносят, когда их собственные дела не так идут, как им желательно¹. Например, в² жалобе, что правительство систематически медлит удовлетворять претензии частных людей и далее..., тотчас узнаешь лицо Перца и его дело, и его претензию... // (л. 49) А чтоб так подробно и мелочно³ и⁴ привязчиво толковать о каком-то долгे 1812 года, надобно непременно быть или барышником или жидом!

Я же, как всем моим приятелям известно, и жизнь моя то доказывает, человек совсем нерасчетистый⁵. И о сем каком-то долге, ей, ей, никакого понятия не имею: ибо в 1812 году был там, где⁶ отстаивали престол и алтары⁴ и где (как сказано в писании) сражались за души и законы свои.

Но среди⁷ сей безобразной мозаической наклейки слухов, вестей и толков, более всего ударяет на чувства мои то, будто бы мы (т[о] е[сть] и я!) брали в великих князей! Беру 6 или 7 лет⁸ назад и рассматриваю: за что бы их и бранить тогда?

Едва вышедшие из круга юнейших лет⁹ и занятий учебных, наши великие князья в то время совершали путешествия, то по России, то в чужие края. Характер их еще не был развернут: ни нрав, ни обычай их еще не могли быть известны¹⁰. Между тем, бог обложил их благообразием, наделил цветущею молодостию и здоровьем. Ясность душ, над которыми не протекали еще бури жизни, некий остаток детства, оттененный важностию сана, скромность в поступи и ласка во взоре: вот, сколько помню, черты их (тогдаших) особ, которые и по самой¹¹ наружности не могли подлежать злословию! Доказательством же щедрости Николая Павловича могу служить сам я!

Когда я был еще при Сипягине, не знаю, от кого узнал обо мне Николай Павлович и без всяких заслуг моих // (л. 49 об.) сказал раз Сипягину: «У тебя есть Глинка — такой и такой — я хочу прибавить к его жалованью из собственных моих, и назначил¹² значительную сумму. Но Сипягин отблагодарил и отвечал¹³, что не нужно. Приехавши ж домой, сказал мне: «Я за тебя отвечал то и то: хорошо я сделал?» Я сказал: «Хорошо! Потому, что великий князь теперь домом заводится, ему самому нужны деньги, а мне начинают выдавать столовые: то мне и довольно!» Вот это правда! Сипягин — живой человек: можно наведаться!

Спросить можно у почтенной генеральши Ахвердовской, у И.Ф.Паскевича, у Павл[а] Ив[ановича] Арсеньева, у доброго генерала Мартынова, у Воронова и друг[их]: как я отзывался в частых свиданиях с ними о великих князьях? Я изображал мои чувства и письменно: *стихотворение* мое некогда¹⁴ поднесено было ее величеству Марии Федоровне, и государыня, повелев¹⁵ пригласить меня в Павловск к своему обеденному столу, изволила говорить мне⁹: «Я благодарю вас за чувства, изъявленные императору и моим младшим детям: Нелединский читал ваши стихи...» и потом прибавила, обратясь к другим: «J'admire la délicatesse des sentiments de jeune homme!»¹⁶ Вот, сии слова августейшей монархии сбережены моею благодарностию, и клевета еще не выкрала их!

1 Слово «желательно» вписано над строкой вместо зачеркнутого «хочется».

2 Слово «в» вписано над строкой. Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

3 Слова «и мелочно» вписаны над строкой.

4 Далее зачеркнуто «и».

5 Первоначально было: «нерасчетливый».

6 Далее зачеркнуто несколько слов, заключенных в скобки.

7 Далее зачеркнуто: «сего».

8 Слово «лет» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто одно слово.

10 Далее зачеркнуто: «Меж[...]».

11 Слово «самой» вписано над строкой.

12 Слово «назначил» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

13 Слово «отвечал» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

14 Слово «некогда» вписано над строкой.

15 Слово «повелев» вписано над строкой.

16 «Я восхищаюсь утонченностью чувств этого молодого человека» (франц.).

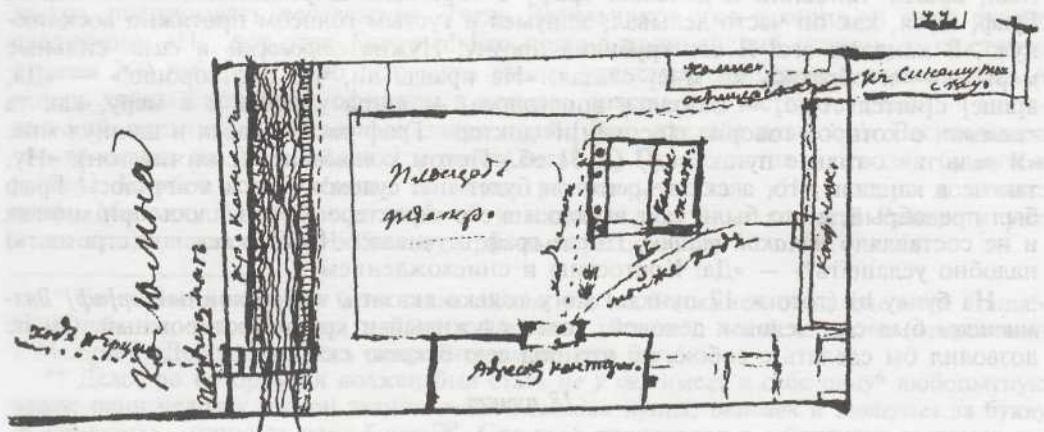
Чтоб нисровергнуть и разрушить показания *Перца*, о том, будто в день Семеновской истории я *встретился с ним у Поцелуева моста*, я заемлю доказательства¹ // (л. 50) из двух категорий: из *времени* и из *пространства*.

1-е доказательство (из времени)

Семеновская история началась с *вечера* и была в *ходу* на другой день *все утро* и далее... Вот в этот-то наканунный вечер я был *наиболее спрошен к Милорадовичу*. Как я его застал, о том имел счастье объяснять изустно пред высокоменитым Комитетом. Тут я пробыл у него до поздней ночи и назавтра ранним-рано уже был опять² у своего же³ места (т[о] е[сть] у графа); а там на Семеновском плаце, а там опять у графа и целый день, и целую неделю, и целых *две недели*: так, что ложился в 4-м часу ночи, а в 7-м утра уже был за делом. Можно спросить у Алексея Ник[олаевича] Бахметьева: он очень меня знает и тогда бывал вседневен у Милорадовича, называл меня *бессонным* человеком. Мы тогда жили точно на бивуаках: все меры для охранности города были взяты. Через каждые 1/2 часа (сквозь всю ночь) являлись *квартальные*, через каждый час частн[ые]⁴ пристава привозили донесения изустные и письменные⁵. Раза два в ночь приезжал *Гоголи*, отправляли курьеров⁶; беспрестанно рассыпали жандармов, и тревога была страшная; а⁷ о *Перце* ничего нигде⁸ не слыхали...

2-е доказательство (от пространства или места)

Я не упираюсь именно на мелочные местности и проч[ее]. Но как *Перец* указывает место якобы встречи с ним, то я и предлагаю самое местоположение, хотя худо начертанное. // (л. 50 об.)

Я и в обычные дни (не только в⁹ день Семеновской истор[ии]) хаживал всегда одним привычным путем из ворот *прямо* или (по линии: *aa*) на передний угол театра, или (по линии *bb*)¹⁰ мимо заднего угла на тротуар в конфетную лавку, где пил шоколад по утрам. В том и другом случае чем далее от ворот, тем более удалялся от Поцелуева моста. Я хаживал¹¹ на Синий мост и оттуда к Милорадовичу, который жил в доме Колержи. В Коломну же (за Поцелуев мост) я в две и три недели не захаживал, ибо у меня тогда никого там знакомых не было. В

¹ Далее зачеркнуто: «из двух».

² Слово «опять» написано на полях.

³ Слово «же» вписано над строкой.

⁴ Слово «частн[ые]» вписано над строкой.

⁵ Далее зачеркнуто «Беспре[...]».

⁶ Слова «раза два в ночь приезжал Гоголи, отправляли курьеров» вписаны между строк.

⁷ Слово «а» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁸ Слово «нигде» вписано над строкой.

⁹ Слова «не только в» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «кром[е]».

¹⁰ Далее зачеркнуто: «на».

¹¹ Далее зачеркнуто: «по Офицерской».

день же Семеновской истории я тем менее мог отклоняться в сторону от обыкновенной прямейшей черты.

Итак, если Перец и шел¹ к *Поцелуеву мосту* (конечно, от себя из Коломны) в ту минуту, как я выходил из ворот, то все я не мог с ним, как он говорит, «встретиться», ибо встречаются *те, кои сходятся*, а мы *расходились* и я² мог только быть с Перцем как две *параллельные линии*, кои иногда видятся, но никогда не сходятся. // (л. 51)

Пункт 17-й

В пункте 17-м на³ зачало под буквою «а» имею честь ответствовать нижеследующее:

У Милорадовича однажды болели глаза. Его лечил Реньери. Я жил в это время, под осень, на даче⁴ (на Камен[ном] остр[ове]) у Кусовых, имея дозволение некоторое время полечиться. К Милорадовичу же пришел партикулярно, без должности. При мне приехал (кажется, присланный от государыни Мар[ии] Фед[оровны]) врач (после сказали, что это Л.М.Миллер). Граф сел дописывать бумагу к к[нязю] Волконскому (ибо император был в отсутствии); а мне сказал: «Займи врача разговором!» Вот мы и стали говорить о медицине, о фармакопее Я.В.Вилье, которую издавал мой приятель Ортай, о применении химии к хозяйству (шаптала) и к медицине и коснулись до *кислот*. Тут доктор сказал, что он получил новый трактат о *кислоте* — Acide Prussique⁵ и начал описывать, как остра и едка сия кислота... Тогда Милорадович, вслушиваясь, сказал: «Да на что ж она годится?». — «А, В, С! Когда ее усластят (разбавят), тогда она *преполезное лекарство...*» Вот, немного погодя, вошел чиновник и доложил графу о *садовнике Шереметьева*, англичанине. Граф, шутя, как он часто делывал, зашумел и густым голосом протяжно воскликнул: «В кандалы его! Я его грубяни проучу! Нужна строгость и сила: сильные меры!», — и обратясь ко мне, сказал: «Не правда ли, что это хорошо!» — «Да, в[аше] [сиятельство], — сказал я вполголоса, — когда у места и в меру, как та *кислота*, о которой говорил г[осподи]н⁶ доктор». Граф расхохотался и шепнул мне: «Я ведь так... только пугаю...» // (л. 51 об.) Потом к чиновнику (смягчив тон): «Ну, так не в кандалы его, а сказать, что он будет под судом!» Тем и кончилось! Граф был предобрый, а это были так, выходки в его характере. Сие деялось при многих и не составляло никакой тайны. После граф шучивал: «Чтобы *кислоту* (строгость) надобно услашать?» — «Да! Кротостию и снисхождением».

На букву б) (того ж 17 пункта) могу только сказать, что покойный *гр[аф] Вяз-митинов* был сам человек деловой, долго служивый и крайне осторожный. Он не дозволил бы сделать с собою то, что под сего буквою сказано⁷.

18 пункт

Перец не потому не ходил ко мне, что⁷ будто от меня уклонялся. Но ходил ли бы он⁸ или нет, его бы не впустили⁹ — ибо я, как уже сказал, не велел его принимать. Он говорит, что потому не открыл, что боялся меня, моих связей и проч[ее], и проч[ее]... Меня бояться? Чоб я стал теснить, преследовать, угнетать? Хорошо! Пусть сделают обо мне (по 54 главе *уложения*) большой *повальный обыск*, начиная с *нищих* у Казанского собора, с которыми я знаком, до первых домов в городе, которые меня знают; пусть спросят: *кого я утеснял?* Кого преследовал? Кого обидел с *намерением*? Даже на самых уж тех, которые меня грызли, я не злобствую и в этом нет большой цены, ибо нет труда, потому что я не могу принудить себя ни *мстить*, ни *ненавидеть*: могу только рассердиться и простить. // (л. 52)

1 Далее зачеркнуто: «от себя».

2 Слово «я» вписано над строкой.

3 Далее зачеркнуто одно слово.

4 Далее зачеркнуто: «у».

5 Синильная кислота (*франц.*).

6 Слово «г[осподи]н» вписано над строкой.

7 Далее зачеркнуто: «укло[...]».

8 Слово «он» вписано над строкой.

9 Слово «впустили» вписано над строкой вместо зачеркнутого «приняли».

Пусть так! Если Перец меня боялся до 1822 года, то в сем году¹, когда я от масонства отстал (закрыл   ложу), от литераторов и собраний (по душевным горестям) удалился*, когда Милорадович по подспудным действиям ябеды** и взяточности на меня рассердился, когда у меня взяли квартиру, содержание, столовые деньги.., все... Когда я, оттолкнутый, забытый, в нищете, в чужом углу, на чужом хлебе, сидел в загоне, как раздавленная муха, когда мои враги... нет! Врагов я не имею! Когда так... глупые люди (ибо злость есть глупость) распускали обо мне молвы — с одной стороны, что я опасный шпион, и меня уже во многих порядочных домах стали принимать *иначе, с другой стороны*, — что я (зачитавшись библии) сошел с ума (так, что я должен был ездить по домам, чтобы показываться — о сем можно спросить у Кусовых, Уваровых, у графа Толстого и у сестры графа Милорадовича, которая встретясь со мною у графа Дивиера, глядела на меня со слезами и призналась, что уж посыпала человека проводывать, до какой степени я сошел с ума, как ей о том сказал полковник NN): то вот в такое-то удобное время, кто ж мешал г[осподи]ну *Перцу* (если было о чем доносить!) пуститься со своим доносом и меня лежачего добить и (по примеру другого некоего господина, скропавшего на меня замысловатый донос) даже выслужиться чрез открытие каких-то ему известных тайнств?.. За что ж он (Перец) говорит, что боялся меня!.. Меня, которого никогда никто не боялся?.. // (л. 52 об.)

О деле корнета Ронова я знаю следующее:

а) В продолжение сует по Семеновск[ой] истории приехал однажды генерал Васильчиков (с ним был адъютант, помнится, Протасов) и разговаривал *наедине* с графом вверху² его комнате, у камина. Спустя долго, граф кликнул меня и велел подать подписывать *подорожные*. Тогда Васильчиков уже отходил, и граф сказал следующее: «Ну, вот этот *Батурин!* Его подбил полицейский шпион, а он стянул с меня 700 рубл[ей], чтоб почтевать ваших уланских офицеров и выведывать. А теперь уланы спокойны, офицеры в *истории* совсем не участвуют, *Ронов* — молоденький мальчик, а *Синявин* оказался прав!. Всё, как все делается!» Васильчиков что-то сказал на полицейских³ и расстались⁴. б) После, когда я отвозил бумаги к гр[афу] *Кочубею*, он, окончив со мною разговор, сказал: «Ну, теперь доложите графу Михаилу Андреевичу, что⁵ об известном деле — о корнете Ронове я уже имел счастие донести от себя государю императору».

* Точно тогда постигла меня такая *година*, что: «и ближние мои далече мене сташа!» Но я помнил, что *Магомет* говорит в Алкоране в главе о *неизбежности* (откровений в Медине): «Довольно иметь покровителем одного бога!»

** Дело, по которому я должен был стать *не у дел* имеет в себе одну⁶ любопытную черту: один человек лишен звания *второй гильдии* купца, оглашен и потерпел за букву Ж (живете) — точно за одну букву . Сие дело производил я с близкого сведения государя императора, а граф Аракчеев рассматривал его, и мне сказали: «Ваше производство сделано по совести, по здравому рассуждку и по законам!» И граф был очень ласков... При таких случаях, конечно, иногда вспоминаются как бы⁷ сами собою некоторые выражения, как например, нем[ецкого] фил[ософа] Зейме: «Установите только правосудие, а благоденствие придет само!» Или сие китайского мудреца Хенг-Дэн-Фое (кажется, в V кн[иге] о наро[дной] нравст[венности]): «Благополучна та страна, где тюрьмы пусты, а житницы полны, доктора пешком, а хлебники верхами, где на ступенях⁸ храмов божьих толкается народ, а крыльца судилищ заросли травою»⁹.

1 Первоначально было: «сего года».

2 Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого «у».

3 Слова «на полицейских» вписаны над строкой.

4 Слова этой фразы сверху помечены цифрами, указывающими порядок прочтения: «Васильчиков» — 1, «что-то» — 3, «сказал» — 2, «на полицейских» — 4, «и расстались» — 5.

5 Далее зачеркнуто: «о деле».

6 Слово «одну» вписано над строкой.

7 Слова «как бы» вписаны над строкой.

8 Первоначально было: «ступени».

9 Слова «толкается народ, а крыльца судилищ заросли травою» вписаны ниже вместо зачеркнутых слов «покрыты грязью (с ног), а крыльца судилищ заросли травою и проч[ее]».

В моей маленькой квартире Перец никогда при мне не бывал в течение нескольких лет. А вскоре после кончины покойного императора вдруг в одно утро явился в моей комнатке. Человек уже забыл давнее приказание и как-то его пропустил. Я был уже готов к выходу, а потому и потому, что Перец непрошеный гость, и не просил его садиться... «Как вы теперь живете?» — сказал он. «А вот как, — и отворил крохотную перегородку. — Я, да две // (л. 53) птички — втроем живем потихоньку...» Он: «Вы точно живете как монах?» Я: «А реи près¹. Потом он сказал: «Вот и государь нас оставил!». Я рассказал² несколько черт, как народ горюет. Потом, кажется, он сказал: «Что-то будет?» А я, помнится, отвечал: «Ожидают государя из Варшавы». — «Да когда-то он будет?» — «Не знаю!» — «Да, как вы думаете, что будет?» — «Я ничего не думаю, а что будет, то будет, что будет, то будет, а будет то, что бог даст!..* Прощайте, г[осподи]н Перец! Я иду!», — и проводил его до двери — два шага!. Потом я человека бранил, а он сказал: «Да я, ведь, его и забыл, сколько лет не бывал!» — «Ну, вперед помни, и не пускай!» // (л. 53 об.)

На 20-й и последний пункт

Выспрос г[осподи]на Переца у моего лакея точно справедлив. Точно, я провел только часть ночи у себя на 15 декабря. Но вот, как сие было. Когда все уже давно затихло на площади и в казарму конногвардейскую к раненому Милорадовичу, где я проводил день, приходили разные особы и говорили, что все уже кончилось и государь уже во дворце и площадь уже³ очищена и проч[ее], проч[ее] и когда приехал уже генерал Стрекалов, с которым я разговаривал, то — это было уж поздно вечером — я, взглянув еще раз на графа, который лежал тихо, пожал руку Яворского, который прописывал рецепт, не хотел будить Петрашевского, который от усталости сидя спал, а Пражевскому, Капуновскому, кажется, Махонину⁴ и другим чиновникам сказал: «Я зайду теперь домой проведать еще своих хозяев, а там приду к вам ночевать». Они сказали: «Пожалуйте⁵: мы вам mestечко сыщем». Вот и пошел я — площадь вся была обставлена войском, на ней горели огни, я подумал: «Точно военное время». И пришел я в дом Всеволожского уже часу в 12-м, но господа были еще за столом⁶ (позже обыкновенного). Встали. Я рассказывал дамам, что знал, а там с самим Всеволожским, ходя по зале, проговорил еще с час, более о Милорадовиче. Домой пришел я уж часу во 2-м и, перемени сапоги, хотел было идти к Милорадовичу. Но человек мне сказал: «От полиции ходили, чтоб запирать все ворота, и по улицам ездят разъезды. Куда ж вам ночью? Ведь конная гвардия далеко!» Я подумал прежде и сказал: «Пожалуйста, разбуди меня часа через два, а много три, я хочу застать еще Милорадовича живого!» // (л. 54)

* *Примечание.* Богдан Хмельницкий около 1654 года⁷ в ответ на грозную⁸ грамоту Амурата IV, написал на целом листе только сии слова: «Что будет, то будет; что будет, то будет; что будет, то будет...» и, исписавши сим весь лист, в конце поставил: «А будет то, что бог даст!», потом двинул войско, разбросав его⁹ конными партиями, перешел границу¹⁰, зажег (в один день) в сорока местах пожар и разбил турок наголову. Я писал поэму Хмельницкого и его выражение сделалось моим пословицей, о сем знают мои друзья: я говорю ее особенно тогда, когда с кем не хочется разговора плодить, особенно о том, что будет.

1 «Почти» (франц.).

2 Первоначально было: «сказал».

3 Слово «уже» вписано над строкой.

4 Слова «кажется, Махонину» вписаны над строкой.

5 Первоначально было: «Пожалуйста».

6 Далее зачеркнуто: «более».

7 Слова «около 1654 года» вписаны над строкой.

8 Слово «грозную» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «на ко[...]».

10 Слова «перешел границу» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «вошел в Молдавию».

Вот тут, помолясь, и лег¹, скинув только мундир. Так я и часто сплю. Часу в 5-м меня разбудили. Я встал, умылся, богу помолился, сварил сам чай (зеленый) на конфорке и, выпив, спросил, встали ль дворники? Сказали: «Да!» И я уже часу в 6-м пошел в казармы к [онной] гвардии. Всходя на лестницу, изумился (туда ли я иду?), что не слышно шуму... Все глухо... Постучал и спросил: «Здесь Милорадович?» На спрос голос ответил²: «Милорадович приказал уже³ долго жить!» Это было не неожиданно, но я⁴ очень тронулся. «Где он?» — «Перенесли в его дом». Я и побежал. При входе в первых комнатах встретился я и поговорил с минутку с полковником Хатовым. Засим вошел в траурную комнату. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал... Мне вспомнились те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, придя к нему еще мальчиком (из корпусу по 14-му году)⁵, возрастал при нем постепенно, как и⁶ его слава... Когда я видел⁷ сего героя, сего верного слугу, который служил и прямил государю, блестящим в лучших обществах Польши, бесстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда очень удивлялись, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с тою безоблачною душою, каковой уже не видала в нем столица сия... И теперь плачу! А тогда при⁸ теле его я чувствовал, что все нервы во мне тряслись, все жилы ходили!.. Не понимаю! Ужели и здесь нашла клевета место углубить свое всепроникающее жало!!!

Чтоб объяснить встречу в магазине Плавильщика я должен прежде сказать нижеследующее: после того незабвенного для меня⁹ события, как государь император изволил осенить меня своею милостию, я тотчас из дворца пошел к военному губернатору. В кабинете е[го] в[ысо]копр[евосходительст]ва был тогда Д.П.Позняк. Павел Васильевич изволил разговаривать со мною кротко и благоволительно, и я ему сказал точно сии слова: // (л. 54 об.) «Ваше высокопревосходительство! Я с злоумышленниками никогда не был, но, находясь на¹⁰ таком месте, с которого видно было зло, я скорбел душою и часто вопиял* противу ябеды и¹¹ злоупотреблений». На сие его высокопревосходительство изволил сказать: «Это хорошо... Это почтенно...» Вот эти слова остались у меня в памяти, и я, рассказывая о милости государя (ибо всемилостивейший сказал: «Ты можешь рассказывать...»), говорил и о сих словах и в доме г[оспод] Лихониных, душевно преданных Павлу Васильевичу, и в других почтенных домах, как о речах, сказанных при третьем лице (при Позняке), и просто, не за секрет. Я говорил, истинно думая сделать сим более похвалу характеру, основанному на одной прямизне¹² и русскому правдолюбию Павла Васильевича. Если я в сем провинился, то прошу всеубедительнейше у его высокопревосходительства простить меня, ибо я, умея ценить достоинство людей, очень буду скорбеть, если невольно, по существу неведению, прогневил мужа, издавна мною уважаемого!..

Теперь о Переце. На другое утро после как я⁴ был во дворце, он уж являлся у меня. Я тогда лежал еще в постели... Человек сказал: «Перец!». Я сказал: «Зачем пустил?» — «Пришел наведаться, как вы здоровы?» — «Скажи, что я не могу его

* Ябеда сама, в своем имени вопиет нам, что она беда: я — беда! Так как же не вопиять, как и она, против нее?!

1 Далее зачеркнуто: «не».

2 Слова «На спрос голос ответил» вписаны над строкой.

3 Слово «уже» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто одно слово.

5 Далее зачеркнуто: «нравственно».

6 Слово «и» вписано над строкой.

7 Первоначально было: «видя».

8 Далее зачеркнуто: «теле».

9 Слова «для меня» вписаны над строкой.

10 Слово «на» вписано над строкой вместо зачеркнутого «при».

11 Слова «ябеды и» вписаны над строкой.

12 Слова «основанному на одной прямизне» вписаны над строкой.

принять!» Вот Перец как пришел, так и ушел! А после, уж чрез изрядное время я вхожу к Плавильщикову, аж Перец тут! И ко мне: «Я у вас был — да не приняли!» и с вопросами: «Вас возили во дворец! Ну, скажите, что там было?» Я, видя, что тут были знакомые лица, говорил *вслух* о милости моего государя, о том, что был после у военного губернатора и что он не опорочил моих слов насчет злоупотреблений, ибо о моем воевании с крючками в свое время многие¹ знали: мне случилось некогда и самого хозяина лавки (или книж[ного] магазина)² вызволить, когда его раз прижали... Я с Перецем тотчас развязался и не говорил и пяти минут, а стал смотреть *новые* книги и заговорил с *другими*, а он ушел. Вот и о магазейне все и о Переце!.. // (л. 55)

Но что он, сей Перец? Если сам чем провинился, думает ли обезвинить себя обвинением меня? Что значит эти встречи не *при ком?* Эта ловля *слов?* Это толкование³ полуизречений? Эти посещения без зову? Зачем он, как некое таинственное существо, ходил по следам моим? Зачем⁴ как провещая комета являлся *по временам* на скучном горизонте моего гражданского бытия?! Да! Все показывает, что мы уже далеки от тех добронравных времен наших отцов, когда ни проговориться, ни проповиниться не страшно было! Когда полагали за великую добродетель *покрыть грех ближнего*⁵... *Писание* говорит: «Настанет время лукавое, когда человек будет следить человека, дабы уловить стопы его в сеть!» Теперь-то начинаю я видеть, отчего можно сделаться *холодным эгоистом*: жить только с собою и *про себя*; а мне всегда так противно казалось это состояние!.. Но я знаю, я уверен, что *часть* не может поколебать *целого!* Что значит эти предприятия? Вспышки воспаленных мечтаний!.. Россия тверда! Россия крепка! Россия — луна! Ибо наше отчество составляет $\frac{1}{7}$ долю земли, а луна в *семь крат* менее нашей планеты.

Я представляю себе *Россию*, как некую могучую жену, спокойно, вопреки всего, почивающую. В головах у ней — вместо подушки — Кавказ, ногами — плещет в *Балтийском море*, правая рука закинута на хребет Урала, а левая — простертая за Вислу — грозит перстом Европе!.. Я знаю, я уверен, что превращать *древнее течение вещей* есть то же, что совать персты в мельничное колесо: персты отлетят, а колесо все идет своим ходом... Вот моя *политическая вера!* Вот мои мысли! Вот мои чувства!

В последний раз явления моего пред Комитетом, когда я вышел из тесного каземата, свежий воздух и красивый день порадовал и утомил мои чувства; притом же *неизвестность* о предметах вопрошания..., а потому я не мог ответствовать столь светло как бы того желал. Духом я поконен, но тело — все тело!.. Ныне же написал наи подробнейше и все (кроме одной странички) *прямо набело*. // (л. 55 об.)

Странное уединение *каземата* придает некую одичалость нраву, отъемля у него ту мягкость, которую дает свежее дыхание и вид и движение живого гражданского мира, а посему я и прошу наипокорнейше простить меня великолушно в том, что может найтись *человекого* в сих листах и приписать сие *единственно* моему несчастному положению... Бог милует милующих и отпускает отпускающим!..

Я обращаюсь к высокопочтеннейшему председателю, яко верному и давнему слуге престола и Отечества и мужу благосердному! Я припадаю к светлой душе порфирородного брата моего государя! Я взываю к иным членам, или отличенным делами добра и правды, или стяжавшим воинскую славу с *венценосным сослуживцем*, к сим вождям, коих дел и подвигов и я, скучный, был или свидетелем или изобразителем для дальних родов⁶ (я имел честь описывать (некоторые)⁷ подвиги г[оспод] Дубича, А.И.Чернышева и г[енера]ла Бенкендорфа). Я прошу их судить меня по их рыцарской чести и не по букве, а *по серди!*

¹ Слово «многие» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «помочь».

³ Первоначально было: «толкованием».

⁴ Далее зачеркнуто одно слово.

⁵ Слова «было! Когда полагали за великую добродетель *покрыть грех ближнего...*» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «было».

⁶ Слово «родов» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁷ Слово «(некоторые)» вписано над строкой.

Засим кладу мою голову ко стопам вселюбезнейшего государя нашего и с полным чувством глубочайшей покорности погружаюсь в его милосердие!

Федор Глинка, полковник, состоящий по армии¹

1826 года апреля 7-го дня

В крепости св[ятых] Пет[ра] и Пав[ла]

Каземат №

В IV неделю по заключении и на VI велики[ого] поста

В среду

Генерал]-адъютант Бенкендорф // (л. 56)

№ 17 (15)

1826 года 10 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по отрицанию полковника Глинки дана ему очная ставка с полковником Пестелем, который показал, что в начале² 1820 года в квартире *первого* было совещание членов Коренной думы, где после долгих рассуждений о выгодах и невыгодах монархического и республиканского правлений положено было, чтобы каждый из членов объявил, чего он желает: монарха или президента. Вследствие сего каждый из них объяснил причины своего выбора, а когда дело дошло до *Тургенева*, то он сказал: «Le président sans phrases!»³. В заключение все единогласно приняли республиканское правление, не исключая и Глинки, который во время прений один говорил в пользу монархического правления и предлагал императрицу Елизавету Алексеевну. Когда заключение сие было сделано Коренною думою, яко законодательною властю союза, то положено было и сообщить об оном всем частным думам. Он, Пестель, исполнил сие по Тульчинской думе и полагает, что оное также сделано и по прочим думам. С того времени и по возобновлении Южного общества постоянной целью оного было республиканское правление и революционные способы действий. Напротив сего Глинка утвердительно отвечал, что показанного Пестелем совещания вовсе не было // (л. 56 об.) и что вообще, сколько он помнит, ни определятельных собраний, ни правильных заседаний нигде не было, но что, когда он и некоторые из членов слушали курсы наук (означенных в ответах его) с намерением приуготовить себя к службе на пользу отечества, то по удобности квартиры его, действительно заезжали к нему не более трех раз когда трое, когда четверо из членов так называемого отделения политических наук. Единственно с тою целью, чтобы лучше вразумиться в сих науках, заводили между собою разговоры и даже споры, где между прочими предметами были иногда простые разговоры о разных системах и о формах правления, но все сие в общеполемическом или ученом смысле. Подобные разговоры часто заводимы были между членами везде, где они ни встречались. Равным образом государыню императрицу в таком смысле, в каком показал Пестель, он, Глинка, никогда не предлагал, но говорил и печатал о добродетельных деяниях как ее величества, так покойного государя императора и государыни Марии Федоровны.

На сей очной ставке утвердили: // (л. 57)

Полковник Пестель

Полковник Глинка,

утвердил показание свое с приведением разных доводов для подкрепления своего показания.

Полковник Пестель⁴

Полковник Глинка⁴

Генерал]-адъютант Бенкендорф // (л. 58)

1 Показания написаны Ф.Н.Глинкою собственноручно.

2 Слова «в начале» написаны по стертому тексту.

3 «Президент без дальних толков» (франц.).

4 Протокол очной ставки подписан П.И.Пестелем и Ф.Н.Глинкою собственноручно.

№ 18 (16)

1826 года 10 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка полковнику *Пестелю* с титулярным советником *Семеновым* в том, что *первый* из них между прочим показал, что в начале 1820 года в Петербурге, в квартире полковника *Глинки*, было собрание членов Коренной думы Союза благоденствия, где по приглашению он, *Пестель*, излагал выгоды и невыгоды как монархического, так и республиканского правлений, и где каждый член объявлял свои суждения. После долгих разговоров и прения заключено было, чтобы каждый член сказал, чего он желает: монарха или президента, а когда дело дошло до *Тургенева*, тогда он сказал: «*Le président sans phrases!*¹» Вследствие чего все единогласно приняли республиканское правление, не изъемля и *Глинки*, который во время прений один говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну. Сие заключение Коренной думы, яко законодательной власти союза, положено было сообщить всем частным думам. Он, *Пестель*, исполнил сие в отношении к Тульчинской думе и полагает, что то же сделано и по прочим думам. С того времени и по возобновлении Южного общества постоянную // (л. 58 об.) целию оного было республиканское правление и революционные способы действий. *Семенов* же показал, что в 1819 или в 1820 году в Коренном совете было рассуждаемо о выгодах и невыгодах разных образов правлений. *Пестель* доказывал превосходство пред прочими правления Северо-Западных Штатов Америки. Все были согласны с *Пестелем*, что правление Северо-Западных Штатов лучше всех доселе известных правлений. Но когда начали рассуждать о том, может ли сей образ правления введен быть в России, тогда мнение большей части членов было отрицательное и *Глинка* сильно доказывал, что в России, где монархические начала вкоренены в понятиях народа, введение республиканского правления невозможно. Спор сей не был кончен общим согласием и положено было возобновить рассуждение в следующем заседании, только сего не было и вопрос остался нерешенным. Произносил ли *Тургенев*: «*Le président sans phrases!*¹» и предлагал ли *Глинка* государыню императрицу, не помнит. Но знает, что упомянутые рассуждения членам здешней управы сообщены не были и что мысли здешних членов всегда были в пользу монархического представительного правления.

На сей очной ставке утвердили:

Полковник *Пестель*

утвердил свое показание, приведя некоторые доводы к подкреплению своего показания.

Титулярный советник *Семенов*

остался при своем показании, присоединяясь, что, как помнится ему, князя Долгорукова на сем совещании не было.

Полковник *Пестель*²

Титулярный советник *Семенов*² // (л. 59)

№ 19 (17)³

В высочайше учрежденный Комитет
от полковника *Глинки*

Вчерашнего числа в субботу⁴ пред лицом высочайше учрежденного Комитета имел я очную ставку с [господи]ном полковником *Пестелем*. Краткость времени и определительность обряда не могли дать места к подробному изложению всех обстоятельств, тесно соединенных с предметом той очной ставки. Она кончилась прочтением письменных показаний того и другого, и каждый подписал свое. Но как,

¹ «Президент без дальних толков» (франц.).

² Протокол очной ставки подписан П.И.Пестелем и С.М.Семеновым собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 12 апреля».

⁴ Слова «в субботу» вписаны над строкой.

с одной стороны, (по закону), все *новые обстоятельства*, могущие пояснить дело, *принимаются к делу*, а с другой (по указ[у] 1810-го ав[густа] 18-го) — дарованы всевозможные способы оправдания лицу *обвиняемому*, то я, находясь ныне в сем последнем качестве, и прошу убедительнейше [высочайше] у[чрежденный] Комитет принять от меня то, что я ниже сего имею изложить, как к пояснению самого дела, так и к моему оправданию. Именно:

1. До вчерашнего числа полагал я, что г[осподи]н Пестель основывает свои как бы *исторические показания*, по крайней мере, на верных *поденных записках* с точным показанием *месяца, числа, места, качества разговора, количества лиц (членов)* и прочего.

2. Но вчерашнего числа ясно усмотрел я, что г[осподи]н Пестель утверждает все свои показания только на одной *своей памяти*.

3. Посему, нисколько не укоряя нравственного характера г[осподи]на Пестеля и *весьма* удаляясь от того, чтобы чем-либо обременить прискорбное его положение, я полагаю всю *неточность* его показаний в одной только его *памяти*, которой *неверность* сами собою подтверждают *нижеследующие обстоятельства*:

а) *В отношении ко времени*. Г[осподи]н Пестель не мог назначить не только дня, ниже месяца, ни *времени года*, а сказал, что он лишь помнит, что сие было в 1820 году и что тогда было на дворе непогодно и грязно (ибо одному из гостей приходилось идти пешком и прочее). // (л. 59 об.)

б) *В отношении к месту*. Г[осподи]н Пестель не мог наименовать даже квартиры, ни по имени хозяина дома, князя Кропоткина¹, ни по *всенародно известному месту: конторы адресов* (где я жил в 1820 году), а говорил только: «*У вас в квартире*». И о прежней моей квартире сказывал, что я жил *где-то* у инспекторского департамента, где я никогда не живал, а находился я (до дому конторы адресов) также в *весьма известном (особливо для военных местах): в доме Главного Гвардейского штаба*, инспекторский же департамент находился *тогда* еще совсем не там, где он ныне, и отнюдь не подле и не близко прежде бывшей квартиры моей. Сие привожу единственно для улики в неверности *памяти* г[осподи]на Пестеля.

с) *В отношении к количеству лиц (членов)*. Г[осподи]н Пестель, между прочим, говорил, что в заседании (коему он придает особенную торжественность и важность были):

I. *Трубецкой*. Но я *ссылаюсь на справку* и полагаю, что окажется, что к[нязь] Трубецкой в сие самое время не только не находился в С[анкт]-Петербурге, но был еще в Париже при большой своей родственнице Куракиной.

II. К[нязь] Илья Долгорукий. Не говорю утвердительно, но помнится, что он около тех времен, когда настало ненастье, был одержим сильною геморроидальною болию, от коей *никуда* из комнаты не выходил в течение нескольких недель, когда я его и навещал (сие подлежит справке).

III. *Сергей Муравьев*. О нем я могу сказать только то, что при всех с ним моих встречах никогда не слыхал я от него (я говорю о *том времени*) ни одного резкого суждения. А при случае разговоров в *полемическом смысле*, он никогда не спорил, а часто шутил насчет тех, кои усиливались выказать ученость и ум.

IV. Наконец, *Никита Муравьев*. Я достоверно знаю, что Н.Муравьев пробыл все лето в Одессе, где брал полный курс морского купанья, а оттоль уже к осени заехал в свои (в тех краях) деревни, куда приехала и его мать и где они занимались *большим межевым делом* по процессу с г[осподами] Пушкиными. Я знаю о сем потому, что, возвратясь из вояжа, Н.Муравьев советовался со мною насчет приискания законов о *генеральном межевании* (1799 и других годов). // (л. 60) И возвратясь даже в С[анкт]-Петербург, Н.Муравьев был долго нездоров от дорожной простуды и оставался дома. А посему я и не думаю, чтобы Никита Михайлович решился *взять на свою совесть*, что он *действительно* помнит и утвердительно знает, что будто бы был в том заседании, коему придает таковую важность г[осподи]н Пестель.

Сверх того: V. Касательно лица даже² и самого *Пестеля*, я имею честь изложить здесь *только к соображению* *нижеследующее*: при самом открытии *греческих дел*, т[о] е[сть] при первом шаге Ипсилантия за р[еку] Прут — если еще не прежде —

¹ Слова «князя Кропоткина» вписаны над строкой.

² Слово «даже» вписано над строкой.

что было в самом начале 1821 года, граф Витгенштейн послал полковника Павла Пестеля переодетым в Молдавию и Буковину для собрания подробных сведений (от молд[авских] и валахских туда¹ уклонившихся бояр и проч[их]) об известном греческом тайном обществе под названием «Элевферии». Пестель был в Германштаде и в Яссах и написал меморию, за что и дан ему после² чин и полк. Сие я узнал в то время от его отца при встрече с ним.

Следовательно, подлежит еще к решению, достаточен ли был краткий промежуток времени между одним и другим годом, чтоб³ г[осподи]н Пестель мог успеть быть по дурным дорогам⁴ в течение сего промежутка в С[анкт]-Петербурге, в Тульчине, в Кишиневе и за границею (в Трансильвании, Буковине, Молдавии) до Ясс и проч[его]? Кажется, что в памяти г[осподина] Пестеля обстоятельства и времена смешались.

3) В отношении к качеству (или⁵ характеру) разговоров. Г[осподи]н Пестель, утвердив в своем показании, что разговор был (весь) только об одном его предложении, потом сам же допустил, что тут же был разговор, о котором он гласно объявил так⁶: «Но это никакого отношения к делу не имело!»

4) Г[осподи]н Пестель не опроверг и сознал справедливым: а) читанное ему мое письменное показание; б) что общество упражнялось в суждениях в полемическом (учебном) смысле. К чему он присовокупил сам: «Прежние суждения ни к чему не вели!» Тут, говоря о лекциях Германа, он забыл, что были еще и после политические лекции у пр[офессора] Куницына; с) соглашался⁷, что общество занималось благотворением; д) приняв сии⁸ слова мои: «Вы никогда не говорили мне открыто ваших мыслей!», подтвердил сам и сказанное мною, что он, Пестель, иногда заезжал ко мне и говорил вместо своих мыслей, что слышал будто бы от лиц важных, что государь уже заказал писать конституцию Новосильцеву, что на сей же предмет вызывают Сперанского и проч[ее]. А под сим предлогом намекал о своих мнениях иносказательно⁹, // (л. 60 об.) е) наконец, г[осподи]н Пестель допустил и то, что я часто приезжал от должности домой поздно и заставлял уже разговоры их конченными.

5) В отношении к последствиям (будто бы бывшего заседания), г[осподи]н Пестель говорит (в своем показании): «О последствиях сего заседания положено дать знать во все управы». Я ссылаюсь на сотоварищей моих измайловских: Кавелина, Годейна и друг[их]. Было ли¹⁰ им от меня или от кого иного что-либо сказано о словах (или идеях) официальных г[осподи]на Пестеля и кому и от кого¹¹ предписано принять его образ мыслей?

Засим, как по закону (улож[ение] и в оном: проце[cc]) двум дозволяется чинить ссылку на третьего, то я и вызываю г[осподи]на Пестеля: не угодно ли ему со слаться на третье лицо и не на одно, а на два: на графа Толстого (коего именует председателем) и на самого князя Илью Долгорукого, коего он полагает быть блюстителем того времени. Они, сии лица, находятся: а) при добром имени, б) в положении, в коем ни нравственно, ни физически не стеснены, с) как показание Пестеля есть лишь дело памяти, то сии лица имеют по их положению и более свежую память, а по силе к другим приметам (по закону)¹² и могут из себя составить, по крайней мере, более, нежели другие лица, свидетелей годных.

Поспешив изложить все сие, я повергаю себя в покровительство высочайше учрежденного Комитета и убедительнейше прошу повелеть сие мое доношение при-

¹ Слово «туда» вписано над строкой.

² Слово «после» вписано над строкой.

³ Первоначально было «что».

⁴ Слова «по дурным дорогам» вписаны над строкой.

⁵ Первоначально было: «и».

⁶ Слово «так» вписано над строкой.

⁷ Слово «соглашался» вписано над строкой.

⁸ Слово «сии» вписано над строкой.

⁹ Десять строк от слов «мое письменное показание; б) что общество...» отчеркнуты на полях карандашом.

¹⁰ Слово «ли» вписано над строкой.

¹¹ Слова «и от кого» вписаны над строкой.

¹² Слова «(по закону)» вписаны над строкой.

соединить актом к той обойдной очной ставке, на коей Пестель показывал, а я отрицал. Всеусердно прошу, да исполнится сие на благотельном основании законов и благой воли монаршей.

Полковник Глинка, состоящий по армии¹

1826 года апреля 11 дня

Воскресенье в 6 часов пополудни // (л. 61)

№ 20 (18)

1826 года 13 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по отрицанию полковника Глинки дана ему очная ставка со штабс-капитаном Александром Бестужевым, который показал, что был ли Глинка решительно извещен о намерении на 14 декабря, не знает, но что готовилось что-то, знал, ибо он при свидании с ним дня за три до 14 числа в квартире Рылеева сказал: «*Ну, вот и приспевает время*», — он, Глинка, отвечал: «Смотрите, вы, не делайте никаких насилий». Глинка же противу сего показал отрицательно, говоря, что, поручив Сомову, известному литератору, жившему в одном доме с Рылеевым, корректуру своего сочинения, заходил к нему и что *Бестужев*, человек с головою романическою при встречах с ним, Глинкою, говорил: «Воевать! Воевать!», на сие отвечал он: «Полно рыцарствовать! Живите смиренее!»

На сей очной ставке утвердили:

Полковник Глинка

Штабс-капитан *Бестужев*

Я сего разговора с г[осподино]м Бестужевым не помню, а о слове «насилие» утвердительно заверить могу, что никогда ни сего слова, ни чего подобного ему не говорил.

Штабс-капитан Бестужев подтверждает прежнее свое показание кроме того, что не помнит, было ли в ответе полковника Глинки слово «насилие», но смысл ответа его был точно такой, как он, Бестужев, показал.

Полковник Глинка²

Штабс-капитан Алекс[андр] Бестужев³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 62)

№ 21 (19)

1826 года 13 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по отрицанию полковника Глинки дана ему очная ставка с подпоручиком Рылеевым, который показал, что по вступлении его в общество имел с Глинкою частые свидания и, полагая его в числе членов, нарочно склонял разговор к цели и намерению оного, но слышал от него общее суждение и никогда ничего решительного. Кажется, дня за два до 14 декабря, разговаривая с ним о настоящем положении дел, он, Рылеев, сказал, что общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. На сие он сказал: «Смотрите, господа!» Глинка же отвечал, что Рылеев ни о чем с ним не говорил, кроме о разных предначертаниях его поэм и других сочинений и что болезнь Рылеева и всегдашнее скромное его обращение с ним не давали ему и возможности даже подумать о чем-либо им замышляемом.

На сей очной ставке утвердили:

Подпоручик Рылеев

Полковник Глинка

подтвердил свое показание кроме того, что вместо слова «общество», может быть, сказал

Когда я зашел за несколько дней до 14-го к г[осподи]ну Рылееву и зашел разговор о бывшем слухе, что Константин Павлович

¹ Показание написано Ф.Н.Глинкой собственноручно.

² Показание от слов: «Я сего разговора...» написано Ф.Н.Глинкой собственноручно.

³ Показание подписано А.А.Бестужевым собственноручно.

«мы»¹, полагая, что г[осподин] Глинка должен был принадлежать к тайному обществу.

задержан в Варшаве и войска о нем беспокоятся и даже говорят, чтоб его выручать, то г[осподи]н Рылеев на сие возразил: «Ну если солдаты пойдут, то и мы готовы надеть сумы за Константина, чтоб выручить».

Подпоручик Кондратий Рылеев²

Полковник Глинка³

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 63)

№ 22 (20)

1826 года 30 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка полковнику Глинке с титулярным советником Семеновым в том, что сей последний между прочим в ответах своих показал, что в 1819 или в 1820 году Глинка представил ему титулярного советника Перетца как члена тайного общества. Перетц говорил ему, Семенову, и Глинке, что он или располагается принять или уже принял в свои сочлены Сенявина, Искрицкого, Устимовича и Данченко. В начальствующие члены сего общества назначались: Глинка, Кутузов и он, Семенов. По предложению Глинки общество Перетца должно было действовать независимо от Союза благоденствия. Полковник же Глинка отвечал, что он Перетца ни в какое тайное общество не принимал, а предложил ему вступить в число членов ланкастерского общества, на что он, Перец, и согласился.

На очной ставке утвердили:

Титулярный советник Семенов
утвердил свое показание.

Полковник Глинка
остался при своем показании.

Титулярный советник Семенов⁴

Полковник Глинка⁴

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 64)

№ 23 (21)

1826 года апреля 30-го⁵ дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка полковнику Глинке с титулярным советником Перетцом, который показал: 1) что в 1819 или 1820 году был он принят полковником Глинкою в тайное общество, имевшее целью монархическое представительное правление, и тогда же представлен им Кутузову и Семенову, коих вместе с Глинкою и знал он, Перетц, начальствующими лицами в обществе; 2) что Глинка, Кутузов и Семенов возложили на него обязанность приема в члены преимущественно из военных и на прием Сенявина и Искрицкого был разрешен от Глинки, а о Данченко и Устимовиче от всех трех; 3) что по предложению его было принято Глинкою, Кутузовым и Семеновым еврейское слово «Хейрут» (свободу означающее) условным знаком для узнания друг друга в случае нужды; 4) однажды в разговорах Глинка сказал ему, Перетцу, что можно бы усилить успехи их общества присоединением оного к обществу Елисаветы, желавшему возведения на престол государыни императрицы Елисаветы Алексеевны и имевшему знаками на печати елку и // (л. 64 об.) книгу завета; 5) что в течение двух лет, то есть когда он усердствовал обществу, предметами совещаний и рассуждений его с Глинкою, Кутузовым, Семеновым и прочими сочленами были или принятие членов, или взаимное сообщение разных сведений о действиях правительства, где порицали и укоряли

1 Слово «мы» вписано над строкой.

2 Показание подписано К.Ф.Рылеевым собственноручно.

3 Показание от слов: «Когда я зашел...» написано Ф.Н.Глинкою собственноручно.

4 Протокол очной ставки подписан С.М.Семеновым и Ф.Н.Глинкой собственноручно.

5 Дата «30-го» написана другим почерком и другими чернилами.

покойного государя, великих князей и вельмож; б) незадолго до¹ 14 декабря он был у Глинки, который на замечание его, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», изъявил подобное же мнение, сказав, что от царствования Константина Павловича можно бы ожидать ненасильственной перемены, а пред уходом Перетца Глинка сказал как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим» и 7) при встрече в книжной лавке Плавильщика Глинка сказал Перетцу, что был взят, но отпирался в желании перемены образа правления, и опять отпущен. Противу сего Глинка отвечал: 1) что он, Перетца ни в какое тайное общество не принимал; познакомился же с ним по тому случаю, что граф Милорадович велел ему, Глинке, сказать Перетцу, находившемуся в канцелярии графа, переговорить с отцом его насчет удовлетворения ярославского крестьянина Синицына, искашего с откупщиками 1500 р[ублей]. Перетц // (л. 65) был у него, Глинки, с ответом на сие и, с тех пор начав иногда посещать его, просил о принятии его в масоны и не раз возобновлял о том разговор, в чем он, Глинка, решительно отказал Перетцу. Однажды во время бывшего у него, Глинки, собрания членов общества учреждения школ взаимного обучения или ланкастерских Перетц заходил к нему, но человек Глинки отказал ему, говоря, что теперь собрание общества. На другой день, когда Перетц, явясь к нему опять, завел речь об обществах, то он, Глинка, предложил ему вступить в общество ланкастерское и показал ему печатный листок об оном, присовокупив, что устав общества, когда будет утвержден, ему (Перетцу) предъявитя и что его обязанность состоит в том, чтоб хвалить общество сие и набирать членов; 2) что он никогда не возлагал на Перетца обязанности приема в члены тайного общества и не разрешал его на прием означенных им лиц, из коих, как помнит, Данченко и Дребуш с 1818 года состояли в прежде бывшем обществе, а потому не полагает, чтобы после сего они могли быть вновь приняты Перетцом; 3) что слова «Хейрут» никогда не знал и не слыхал от Перетца; 4) общества, // (л. 65 об.) имевшего знаками на печати елку и книгу завета, — не знал, а не раз говорил: «Если бы ложа Елисаветы соединилась с нашею ложею Избранного Михаила, то мы гораздо сильнее были бы в способах и могли бы сделать заведение более прочное». Это было говорено потому, что общество первой имело училище на 25 сирот, а другое — школу человек на 200; 5) Глинка, отрицая показание Перетца насчет осуждения действий правительства и порицания покойного императора и великих князей, говорит, что 7 лет тому назад, когда по показанию Перетца имел он с ним подобные разговоры, характер великих князей наших, совершивших тогда путешествия то по России, то в чужие края, в то время не был еще развернут: ни нрав, ни обычаи их еще не могли быть известны, а ласковость их, скромность и приятная наружность не могли подлежать злословию, доказательством же щедрости его величества Николая Павловича может служить сам он, Глинка; 6) вскоре после кончины императора, Перетц явился к нему, Глинке; после слов: «Вот и государь нас оставил», Перетц сказал: «Что-то будет?». Он, Глинка, отвечал только: «Что будет, то будет, а будет то, что бог даст», — за сим и простился с ним; 7) войдя в книжную лавку Плавильщика, он, Глинка, нашел там Перетца, который стал спрашивать // (л. 66) его, что было во дворце, куда его призывали. Глинка, видя, что там были знакомые лица, говорил вслух о милости государя императора, о том, что был после у [господина] военного генерал-губернатора, который не опорочивал слов его насчет злоупотреблений и тому подобное; приписываемых же ему Перетцом выражений не говорил, да и вообще не разговаривал с ним тогда и пяти минут.

На сей очной ставке утвердили:

Титулярный советник Перетц

Полковник Глинка,

утвердил свое показание.

отрицая слова Перетца, остался при своем показании.

Титулярный советник Перетц²

Полковник Глинка²

¹ Слова «незадолго до» вписаны над строкой другим почерком и другими чернилами. Первоначально слова были написаны карандашом.

² Протокол очной ставки подписан Г.А.Перетцом и Ф.Н.Глинкою собственноручно.

К тому противу показания полковника Глинки прибавил, что о принятии в масоны не просил, а насчет поступления в члены ланкастерской школы утверждительно сказать не может, не помня о сем твердо, но, кажется, что нет.

Перетц¹

[генерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 71)

№ 24 (23)

Показания, сделанные на полковника Федора Глинку

Кн[язь] Трубецкой, на
обор[оте] 36 стр[аницы]

Полковник Глинка (состоящий по армии) был членом общества, составленного в 1818 году, но давно с оным не имеет никаких сношений.

Полк[овник] Митьков,
на обор[оте] 9 стр[аницы]

Что полковник Глинка был членом прежнего общества.

Пав[ел] Колошин
тит[улярный] сов[етник],
лист 12

Что Глинка (не называя ни чины, ни имя) вместе с кн[язьми] Трубецким, Долгоруким и гр[афом] Толстым были попеременно председателями и блюстителями Коренного совета.

Подп[олковник]
Комаров, на 9 листе

Глинка (состоявший при графе Милорадовиче) показан Комаровым² в списке членов тайного общества.

Ген[ерал] майор
Фон-Визин, лист 1

Что в 1821 году было у него, Ф[он] Визина², в доме совещание, в коем после продолжительных разговоров положено было общество разрушить. В сем совещании между прочими был и полковник Глинка, и что он был из числа более охладевших членов³.

Якушкин от[ставной]
капит[ан], на обор[оте]
19 лист[а]

Что Глинка в 1820 году бывал вместе с прочими на совещаниях общества и также в 1821 году на совещаниях, бывших в Москве.

на обор[оте]
2 листа, 13 пункта

Что Глинка и после сделанного постановления в 1821 году объявить некоторым членам об уничтожении⁴ общества знал, что существование оного продолжено. // (л. 71 об.)

Ник[олай] Бестужев, на
1 лист[е]

Что видал Глинку часто у Рылеева.

Каховский, лист 1

Что познакомился с Рылеевым у Ф.Н.Глинки.

Оболенский I-й, лист 15

Что полковник Федор Глинка был в обществе, но отстал от оного до первого разрушения, о существовании нынешнего общества знал, но к оному не принадлежал; о намерении 14 декабря был извещен, но в оном ни лично, ни через других не участвовал.

¹ Слова «но, кажется, что нет» и подпись написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

² Фамилия вписана над строкой.

³ Слова «и что он был... охладевших членов» написаны другими чернилами.

⁴ Слова «об уничтожении» написаны вместо стертых слов.

Рылеев, лис[т] 6

Что был позван к г[осподину] Мордвинову
чрез полковника *Ф.Глинку*.

Краснокутский,
на обор[оте] 7 и 7

Что Глинка был членом общества в 1819 и
1820 годах.

Кюхельбекер

Что Глинка (племянник его, Кюхельбекера, не
называет ни имени, ни чина его) дал ему после
происшествия 150 р[ублей] и знал, что он бежит.

Пестель, лист 20

Что Глинка был из числа первых, говоривших
об учреждении общества.

на обор[оте] 20 листа

Что Глинка присутствовал в Коренной думе и,
защищая монархическое правление, предлагал
императрицу Елизавету Алексеевну.

Гр[аф] Толстой, лис[т] 3

Что Глинка был его сочленом в благотвори-
тельном обществе.

на обор[оте]

Что просвещенный ум, добре и чувствительное
сердце и благородная душа полковника Федора
Николаевича Глинки всегда // (л. 72) привлекали
его к нему, и он один из сочленов, которого он
узнал короче других, с которым был в
дружеских связях и дружбою коего гордится и
теперь.

Сергей Муравьев-
Апостол, в деле Коренной
думы

Что в совещании Коренной думы, где рас-
суждали о выгодах и невыгодах монархического и
республиканского правлений в общем полеми-
ческом разговоре присутствовал и Глинка, кото-
рый один против прочих держал сторону
монархического правления.

Колошин, там же

Тоже, что Глинка был в сем совещании, в
коем было рассуждаемо о формах правления, но
ничего не было говорено насчет особ августейшей
царствующей фамилии.

Пестель, там же

Что Глинка в сем совещании, хотя и говорил
в пользу монархического правления, но, наконец,
голос дал в пользу республиканского.

Ник[ита] Муравьев,
там же

Что Глинка был в сем совещании, в коем
однако ж ничего о царствующей фамилии не
было говорено, и что он в том же году отстал¹. //
(л. 72 об.)

Мат[вей] Муравьев

Что Глинка вступил в петербургскую ланкас-
терскую школу с тем, чтобы союз имел бы влияние
на оную.

Сергей Муравьев

Что Глинка имел свою управу, сколько ему
известно, но разделение управ было более на
бумаге, чем на деле, ибо многие члены не
принадлежали никакой управе.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 73)

¹ Внизу листа помета карандашом: «Торсона».

О полковнике
Федоре Глинке

На подлинной до-
кладной записке оз-
начена следующая
высочайшая резолю-
ция за подписанием
барона Дибича: «Вы-
пустить, перевесть в
гражданскую службу
и употребить по оной
в Олонец, где и жить
ему безвыездно под
бдительным тайным
надзором полиции».

Показание
Пестеля

Глинка показал, что в 1819 году был членом общества, имевшего целию благотворительность и просвещение. При принятии его *Новиковым* объявлено ему, что когда деятельность общества получит более правильный вид, то представят правительству и станут искать открытого покровительства на дальнейшие действия, предъявив о том, что уже сделано. Однако Глинка оставался в сем обществе только до 1821 года.

О том, что Глинка действительно отстал от общества, показывают князь *Трубецкой*, *Оболенский*, Н. // (л. 73 об.) *Муравьев* и генерал-майор *Фон-Визин*, из коих последний, называя членов, находившихся в совещании, бывшем в Москве, в коем после продолжительных рассуждений положено было общество уничтожить, показывает в том числе и Глинку, но присовокупляет, что он был из числа более охладевших членов.

Из показаний других открывается:

1. Что в начале 1820 года в квартире Глинки было совещание коренных членов Союза благоденствия, где после долгих рассуждений и прений о выгодах и невыгодах // (л. 74) монархического и республиканского правлений заключено было, чтобы каждый член сказал, чего он желает: монарха или президента; собирали голоса и когда дело дошло до Тургенева, тогда он произнес: «*Le président sans phrases**». Вследствие чего единогласно приняли республиканское правление, не изъемля и Глинки, который во время прений, один говоря в пользу монархического правления, предлагал императрицу Елизавету Алексеевну. Противу сего Глинка отвечал, что определительных заседаний не было и что // (л. 74 об.) многие из членов так называемого политического отделения, слушая курсы политических наук, по удобности квартиры его, съезжались к нему когда трое, когда четверо, заводили разговоры и даже споры о разных системах, иногда и о формах правления, но все в общем полемическом или ученом смысле и с тем единственном намерением, чтобы лучше вразумляться в сих науках. Государыню императрицу в таком смысле, как показал *Пестель*, не предлагал, но говорил и печатал о добродетельных деяниях как ее величества, так и покойного государя и государыни // (л. 75) Марии Федоровны. По сему разноречию дана Глинке с *Пестелем* очная ставка, на коей оба остались при своих показаниях. Сверх того требовались ответы от всех² присутствовавших в том совещании коренных членов, по разноречию коих тоже даны были им с *Пестелем* очные ставки, и на оных *Сергей Муравьев-Апостол* и *Никита Муравьев* согласились с показанием *Пестеля*, что действительно все подали мнение на принятие республиканского правления; *Колошин* и *фон-дер Бриген* утверждали, что сие совещание действительно было формальное, но присовокупили: // (л. 75 об.) первый — что не помнит всего происходившего в оном и потому показание

* Т[о] е[сть]: «Президент без дальних толков».

¹ Вверху листа помета карандашом: «88».

² Первоначально было: «все».

Пестеля не отвергает, а последний — что предмет совещания не был решен и что *Глинка*, не дав решительного мнения, сказал: «Как Россия всегда блаженствовала под правлением императриц, то желательно бы иметь императрицу на престоле», и, наконец, *Семенов*, отвергнув показание *Пестеля*, объяснил, что, хотя в сем совещании действительно все согласились с мнением *Пестеля*, доказавшего превосходство правления Американских Штатов перед прочими, но когда коснулся он до возможности // (л. 76) введения сего образа правления в России, то мнения большей части членов, в том числе и *Глинки*, были отрицательные, и спор сей оставил нерешенным до следующего заседания, которое не состоялось; что касается до того, предлагал ли *Глинка* государыню императрицу, то он, *Семенов*, о том не помнит.

Показание *Перетца*.

2. Что *Глинка* в 1819 или 1820 году принял *Перетца* в тайное общество, имеющее целью введение монархического представительного правления, что он, *Глинка*, представил *Перетца Кутузову* и *Семенову* как члена, // (л. 76 об.) что сими тремя, то есть *Глинкою*, *Семеновым* и *Кутузовым*, коих знал он начальствующими лицами в обществе, возложена на *Перетца* обязанность принимать новых членов, преимущественно из военных, вследствие чего принятые *Перетцом* с разрешения *Глинки Синявин* и *Искрицкий* и с разрешения всех трех — *Данченко* и *Устимович*, что по предложению *Перетца* принято *Глинкою*, *Кутузовым* и *Семеновым* еврейское слово «Хейрут» (свободу означающее) условным знаком для узнания друг друга в случае нужды, что однажды в разговорах *Глинка* сказал // (л. 77) *Перетцу*, что можно бы усилить успехи их общества присоединением оного к обществу Елизаветы, желавшему возведения на престол государыни императрицы Елизаветы Алексеевны и имевшему знаками на печати и книгу завета, что в течение первых двух лет бытности *Перетца* в сем обществе *Глинки* предметом рассуждений *Кутузова*, *Семенова* и проч[их] были или принятие членов, или взаимное сообщение разных сведений о действиях правительства, где порицали и укоряли покойного государя, великих князей и вельмож, что незадолго до // (л. 77 об.) 14 декабря *Перетц* был у *Глинки*, который на замечание его, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», изъявил подобное же мнение, сказав, что от Константина Павловича можно бы ожидать ненасильственной перемены в образе правления, а пред уходом *Перетца* *Глинка* сказал как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим!» и что при встрече в книжной лавке *Плавильщика* *Глинка* сказал *Перетцу*, что был взят, но отрицался в желании перемены правления и опять отпущен.

Семенов, спрошенный по показанию *Перетца*, отвечал, // (л. 78) что *Глинка* в 1820 году представлял ему сего последнего как члена тайного общества, и *Перетц* говорил ему, что он или располагается принять или уже принял в свои сочлены *Синявина*, *Искрицкого*, *Устимовича* и *Дребуша*. В начальствующие члены сего общества назначались: *Глинка*, *Кутузов* и он, *Семенов*; по предложению *Глинки* общество *Перетца* должно было действовать независимо от Союза благоденствия.

Глинка, отрицая все сии показания, объяснил, что Перетц, хотя и домогался быть принятным чрез него в масоны, но он решительно ему в том // (л. 78 об.) отказал и после того принял его в ланкастерское общество и поручил ему набирать членов; другого общества, имевшего знаками на печати ель и книгу завета, не знал, а не раз говорил: «Если бы ложа Елисаветы соединилась с нашею ложею Избранного Михаила, то мы гораздо сильнее были бы в способах и могли бы сделать заведение более прочное». Это было говорено потому, что общество первой имело училище на 25 сирот, а другое — школу человек на 200; действия правительства и особу императора и великих князей никогда не порицал, приводя в доказательство как то, что // (л. 79) характер великих князей в то время (сие было за 7 лет тому назад) не был еще совершенно развернут и ни нрав их, ни обычай еще не могли быть известны. Притом он, сам испытав над собою щедрость государя императора Николая Павловича, когда был еще великим князем, не злословил, а превозносил всегда императорскую фамилию как словесно, так и письменно (в стихотворениях). По разноречию Глинки с Перетцом и Семеновым даны им очные ставки, на коих каждый остался при своих показаниях.

Действительный статский советник Гурьев на вопрос // (л. 79 об.) Комитета по поводу показания Перетца, что означенные слова Глинки: «Что-нибудь да будет, посмотрим» заставили его тогда же обратиться к нему, Гурьеву, с просьбою предварить графа Милорадовича о могущем произойти возмущении, отвечал, что 12 или 13 декабря Перетц точно был у него и на вопрос его, какие имеет причины опасаться возмущения, говорил, что все более привязаны к Константину Павловичу, нежели к Николаю Павловичу, но от кого и что слышал — сего не говорил.

По показаниям Перетца и Семенова, что был он, Перетц, // (л. 80) представлен от Глинки Кутузову и Семенову как член тайного общества и что с разрешения их, т[о] е[сть] Глинки, Семенова и Кутузова принял Перетц Искрицкого, Синявина, Данченко и Устимовича, спрошенный Кутузов отвечал, что Глинка представлял ему Перетца не как члена тайного общества, а как члена ланкастерской школы и что не возлагал на него никаких обязанностей и не слыхал, кого и куда принимал он членами; показание сие Кутузов подтвердил и на очной ставке с Перетцом и Семеновым, которые тоже остались при своих показаниях. // (л. 80 об.)

Сверх того спрошены Искрицкий и взятый по сему показанию Перетца Синявин, из коих первый показал, что Перетц ему намекал о том, что будто Глинка член общества, а Синявин совершенно отвергнул показание Перетца, что подтвердил и на очной ставке; от Устимовича же по нахождению его в Грузии показания не имеется.

3. Был ли Глинка извещен решительно о намерении 14 декабря Александр Бестужев не утверждает, но что готовилось что-то, знал, ибо при свидании с ним за три дня до 14-го числа в квартире Рылеева говорил ему // (л. 81) Бестужев: «Ну вот, и приспевает время!» Глинка на сие отвечал: «Смотрите, вы, не делайте никаких насилий!»

Показание Александра Бестужева

Показание Рылеева

Также при свидании с *Рылеевым* за два дня до 14 декабря сей последний, разговаривая с ним о настоящем положении дел, сказал, что общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. На сие он сказал: «Смотрите, господа!..»

По отрицанию *Глинки* от сих показаний на него даны ему с помянутыми лицами очные ставки, на коих *Александр Бестужев*, подтвердил // (л. 81 об.) свое показание и присовокупил, что не помнит, было ли в ответе *Глинки* слово «насилие», но смысл ответа его был точно такой, как он, *Бестужев*, показал. *Рылеев* тоже подтвердил свое показание, кроме того, что, может быть, вместо слова «общество» сказал: «мы», полагая, что *Глинка* должен был принадлежать к тайному обществу.

Глинка утверждал, что сего разговора *Бестужева* не помнит и слова «насилие» или что-нибудь подобного он *Бестужеву* не говорил. На показание же *Рылеева* отвечал, что когда зашел к нему, то разговор был о слухе, что Константин Павлович // (л. 82) задержан в Варшаве, что войска о нем беспокоятся и даже говорят, чтоб его выручить; причем *Рылеев* сказал: «Ну, если солдаты пойдут, то и мы готовы надеть сумы за Константина, чтоб выручить».

Содержится в крепости с 11 марта.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

О следственном деле Ф.Н.Глинки

Об участии в тайном обществе полковника Федора Николаевича Глинки правительству стало известно вскоре после восстания. К.П.Торсон и Н.А.Бестужев, в показаниях, данных 15 и 16 декабря 1825 г., отмечали частое присутствие Глинки в доме К.Ф.Рылеева среди членов тайного общества¹. 19 декабря 1825 г. Рылеев признал факт своего знакомства с Глинкою². 25 декабря П.Г.Каховский указал, что познакомился с Рылеевым в доме Глинки³. Более конкретные сведения об участии Глинки в тайной организации содержались в показаниях Н.И.Комарова и С.П.Трубецкого от 27 декабря. Последний назвал имя Глинки в списке членов общества, образовавшегося в 1818 году, отметив, что тот давно не имеет «никаких с обществом сношений»⁴. Об участии Глинки в Союзе благоденствия упомянул 26 декабря А.А.Кавелин в письме на имя Николая I⁵. Указанные сведения были обобщены на заседании Следственного комитета 28 декабря. «Некоторые из соучастников показывают, отмечалось в протоколе, — что были в знакомстве с полковником Глинкою, который в 1818 году также принадлежал к обществу, но принадлежит ли теперь, неизвестно и показаний нет»⁶.

30 декабря 1825 г. Глинка был арестован. На допросе, снятом В.В.Левашовым, ему удалось оправдаться (док. № 3/1). Он был отпущен в тот же день Николаем I со словами: «Можешь оставаться спокоен»⁷. Распоряжение царя было тотчас объявлено в Следственном комитете: «Полковнику Глинку освободить и бумаги его, если в них ничего не найдется подозрительного, ему возвратить»⁸. Глинка получил взятые при аресте документы 2 января 1826 г.⁹

Однако последующее дознание резко изменило положение Глинки. В январе 1826 г. Комитет собрал против него значительный материал. Помимо свидетельств участия Глинки в тайном обществе (показания С.Г.Краснокутского 2 января, И.Г.Бурцова 16 января, Миткова 24 января, Н.И.Кутузова 26 января, С.Г.Волконского 30 января) имелись данные о том, что он был в числе основателей тайного общества (показания М.И.Муравьева-Апостола), участником Московского съезда 1821 года (показания Н.М.Муравьева и М.А.Фонвизина от середины января), председателем и блюстителем Коренного совета Союза благоденствия попеременно с Трубецким и Ф.Толстым (показания Павла Колошина от 24 января)¹⁰. Самые серьезные обвинения Глинки Комитет почерпнул из показаний П.И.Пестеля и Е.П.Оболенского. Отвечая на вопросы от 13 января 1826 г., Пестель кратко показал всю историю развития тайного общества. Он

1 ВД. Т . И. М.—Л., 1926. С. 60; Т. XIV. С. 198.

2 ВД. Т. I. С. 155.

3 ВД. Т. I. С. 342.

4 Наст. том. Д. 213 (Н.И.Комарова). Док. № 2/1; ВД. Т. I. С. 46.

5 Наст. том. Д. 248 (В.А. и Л.А.Перовских и А.А.Кавелина). Док. № 2.

6 ВД. Т. XVI. С. 40.

7 Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 11/9.

8 ВД. Т. XVI. С. 42.

9 ВД. Т. XVI. С. 45.

10 ВД. Т. XII. М., 1969. С. 67; Т. III. С. 64, 97; Т. X. М., 1953. С. 115; Т. IX. М., 1950. С. 224; Т. I. С. 307; Т. XVIII. С. 159; Наст. том. Д. 95 (И.Г.Бурцова). Док. № 5/4; Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 4/3.

назвал Глинку в числе старейших членов тайного общества, образовавшегося в 1816 г. Тогда же Пестель впервые рассказал о заседании Коренной думы Союза благоденствия, состоявшемся в 1820 г. на квартире Ф.Глинки, подчеркнул принципиальное значение произошедшей там дискуссии о формах будущего государственного устройства России после переворота. Отметив принятное единогласно решение о необходимости введения республики, Пестель упомянул, что во время прений «один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну»¹.

Другим важным пунктом обвинения Глинки стало свидетельство Оболенского от 21 января об осведомленности Глинки «о намерениях на 14 декабря». В то же время Оболенский отметил, что Глинка давно отошел от тайного общества и в выступлении 14 декабря не участвовал². Для выяснения этого обстоятельства 26 января были спрошены Трубецкой, Рылеев, А.Бестужев, Н.Бестужев, И.Пущин и сам Оболенский. Рылеев и А.Бестужев отвечали, что Глинка знал о готовящемся восстании, но был против любых «насилий», причем Рылеев полагал его в «числе главнейших членов» общества (док. № 5/3, 6/4). Ответы Трубецкого, Н.Бестужева и Пущина не содержали сведений, лишь Пущин отметил, что встречал Глинку у Рылеева незадолго до восстания (док. № 4/2, 8/6)³. Развернутый ответ Оболенского давал общую картину отношения к Глинке в Северном обществе, как к честному человеку, разделявшему взгляды участников организации, но формально в ней не состоявшему и активно не действовавшему. Эти показания очень выразительны (док. № 9/7). Ответ Оболенского о том «кем и как полковник Федор Глинка был извещен о намерении произвестить возмущение, бывшее 14 декабря», был заслушан в Комитете 5 февраля и взят «в соображение»⁴.

В конце января — начале февраля Комитет приступил к расследованию заседания Коренной думы в 1820 г. (см. комментарий к делу № 5, а также к делам И.А.Долгорукого, И.П.Шипова и Ф.П.Толстого). Поскольку заседание происходило на квартире Глинки, его имя постоянно присутствовало в материалах следствия. Выясняя позицию каждого участника совещания 1820 г., следователи обращали особое внимание на мнение Глинки, предложившего, как отмечалось выше, установить конституционную монархию, возведя на престол Елизавету Алексеевну. 8 февраля Пестель подтвердил свое прежнее показание о заседании Коренной думы, подчеркнув, что хотя на нем Глинка «говорил в пользу монархического [правления], но голос, наконец, дал также в пользу республиканского»⁵.

Днем раньше, 7 февраля, в Комитете была заслушана докладная записка на имя Николая I о лицах, участвовавших в совещании Коренной думы. В записке отмечалось в частности, что заседание происходило на квартире Глинки, который в конце прений как и все присутствовавшие высказался за республику, хотя вначале и «говорил в пользу монархического правления». Комитет предложил вновь привлечь Глинку к следствию в связи с появлением против него новых обвинений. Особенно обращалось внимание на осведомленность Глинки о готовящемся выступлении⁶. 12 февраля согласно резолюции Николая I было принято решение «полковнику Федору Глинку и графу Федору Толстому призвать в Комитет не арестованных для снятия словесного допроса»⁷.

15 февраля Глинка и Ф.Толстой были допрошены в Комитете, им были заданы одни и те же вопросы, ответы на которые во многом сходны (см. комментарий к делу Ф.П.Толстого). «Глинка сознался, — записано в журналах заседаний Комитета, — что был в Союзе благоденствия, который, однако, под сим названием не знал, а принадлежал к отделению благотворения и наук. По близости квартиры его от театра члены других отделений сходились тоже у него после спектакля, ибо сие было удобно для свиданий, совещаний никаких не было, но бывали разговоры политические и преимущественно и государственном устройстве, чему было причиной, что тогда все почти молодые люди слушали лекции политической экономии. Предложений и суждений о введении в России республиканского правления никогда он не слыхал. О произшествии 14 декабря предварен не был даже намекающим о том разговором. Григория

¹ ВД. Т. IV. С. 100—102.

² ВД. Т. I. С. 238.

³ Подлинники ответов Трубецкого и Рылеева находятся в деле Д.А.Искрицкого (ВД. Т. XVIII. С. 124).

⁴ ВД. Т. XVI. С. 87.

⁵ Наст. том. Д. 5. Док. № 3/2.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 89—91; Наст. том. Д. 5. Док. № 4/3.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 97.

Перетца членом не знал и даже положительно может утвердить, что его бы никогда и принять не захотели»¹. После устного допроса Глинка получил письменные вопросы, в ответах на которые он «повторил словесное показание, но несколько пространнее». Письменные ответы Глинки были зачитаны в Комитете 16 февраля (док. № 10/8, 11/9) и взяты «в соображение»².

В эти же числа имя Глинки было упомянуто в показаниях Д.А.Искрицкого, ссылающегося от Перетца об участии Глинки в тайном обществе³. 21 февраля был арестован Перетц, после чего произошло резкое изменение всего хода расследования роли Глинки в тайной организации. Уже в первом показании, данном в день ареста, Перетц сообщил, что был принят Глинкой в тайное общество, имевшее целью «сделать изменение в правительстве и ввести конституцию»⁴. Комитет тотчас потребовал пояснить о каком именно Глинке шла речь. На допросе в Комитете 22 февраля Перетц дал точные сведения о Ф.Н.Глинке, подчеркнув, что именно им был принят в тайное общество в 1819 или в 1820 г., с ним поддерживал наиболее тесные отношения; Перетц сообщил некоторые детали о поведении Глинки 14 и 15 декабря, рассказал также о встрече с Глинкой после его первого ареста⁵.

8 марта, заслушав письменные ответы Перетца, Комитет предположил, что «существует еще одно тайное общество, действовавшее отдельно от ныне разрушенного». Вследствие этого было принято решение «внимательно и строго исследовать» и заготовить новые вопросы ряду лиц, в том числе Глинке. Последнего же «по важности и многочисленности сделанных на него Перетцом показаний взять, испросив на то высохшее повеление»⁶.

10 марта последовала резолюция Николая I: «Полковнику Глинку арестовать»⁷. 11 марта был дан приказ об его аресте⁸. В тот же день Глинка, по его словам, был «взят в конфектной лавке, где пил чай, и прямо привезен в крепость, где арестован и заключен в каземат» (док. № 13/11). Комендант Петропавловской крепости А.Я.Сукин извещал А.И.Татищева 11 марта о том, что Глинка принят и посажен в «особый арестантский покой»⁹. В дальнейшем он содержался в казематах № 1 и № 4 Петровской куртины.

В течение первых трех недель своего заключения Глинка в Комитете не вызывался и вопросов не получал. Снедаемый неизвестностью, он дважды обращался с письмами сначала к Николаю, затем к Татищеву, убеждая их в своей невиновности и отсутствии связей с тайным обществом после 1821 г. (док. № 12/10, 13/11). О подавленном настроении Глинки в это время сохранились свидетельства одного из его тюремщиков унтер-офицера Шеховцова, настроенного, впрочем, к узнику весьма благожелательно¹⁰.

В это время в Комитете продолжали откладываться материалы, касающиеся Глинки. Так, 9 марта И.Д.Якушкин подтвердил свое показание об осведомленности Глинки о продолжении деятельности тайного общества после Московского съезда 1821 г.¹¹ М.М.Нарышкину 18 марта был задан вопрос, не принадлежал ли Глинка к Измайловской управе Союза благоденствия. Ответ был дан отрицательный, однако Нарышкин подтвердил, что Глинка был членом тайного общества¹². О позиции Глинки на совещании Коренной думы в 1820 г., спрашивали М.С.Лунина 24 марта, но тот, по его словам, не имел сведений об этом совещании¹³. 29 марта несколько членов тайного общества получили вопросы об управах Союза благоденствия. С.И.Муравьев-Апостол показал, что одной из управ в Петербурге заведовал Глинка. А.Ф.Бригген и М.И.Муравьев-Апостол отметили, что Глинка руководил в Петербурге ланкастерской школой для обучения детей бедных родителей, причем, М.Муравьев-Апостол указал, что Глин-

1 ВД. Т. XVI. С. 102.

2 ВД. Т. XVI. С. 103.

3 ВД. Т. XVIII. С. 130.

4 Наст. том. Д. 66 (Г.А.Перетца). Док. № 19/18.

5 Наст. том. Д. 66. Док. № 21/20, 22/21.

6 ВД. Т. XVI. С. 122—123.

7 ВД. Т. XVI. С. 125.

8 ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 433.

9 ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 434.

10 Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангблюса. М., 1888. С. 100—101.

11 ВД. Т. III. С. 57.

12 ВД. Т. XIV. С. 409, 410.

13 ВД. Т. III. С. 119.

ка вступил в нее для того, «чтобы Союз [благоденствия] имел влияние на оную»¹. Комитет спрашивал о знакомстве с Глинкой также Н.Д.Сенявина, но получил отрицательный ответ².

Главным обвинителем Глинки оставался Перетц, предлагавший неоднократно «уличить Глинку на очных ставках»³. Именно на основании многоречивых показаний Перетца от 28 февраля, 12 и 18 марта⁴ был проведен допрос Глинки в Комитете 3 апреля 1826 г. (док. № 15/13). В подробных ответах Глинка полностью отверг все обвинения Перетца, заявив, что тайное общество, в которое он якобы принял Перетца, было ни чем иным, как обществом учреждения ланкастерских школ. Подчеркивая клеветнический характер показаний Перетца, Глинка упорно отрицал содержащиеся в них сведения о контактах между ним, Глинкой, Кутузовым, Семеновым и Перетцом по делам тайного общества. Он вновь подтвердил свои прежние показания, где говорилось о его собственном участии лишь в «прежде бывшем ученом и благотворительном обществе» (док. № 16/14). Глинка при допросе «не сознался, — записано в журналах заседаний Комитета, — чтобы Перетца принял в тайное общество, и все сделанные сим последним на него показания частью совершенно опровергает, частью признает за справедливые, но толкут их так, что винить его по оным нельзя»⁵. Также оценил Комитет и письменные ответы Глинки: «повторяя последнее словесное показание, распространяется в описании подробностей, посторонних обстоятельств и неудовлетворительно ответствует на вопросы. Положили: уличить на очных ставках»⁶.

К этому времени Комитет располагал письменными показаниями С.М.Семенова от 6 апреля, который лишь в этом месяце признал себя членом тайного общества и стал отвечать на вопросы. Семенов фактически подтвердил показания Перетца о существовании отдельного общества, «составленного Федором Глинкою». Им должны были руководить Глинка, Семенов и Кутузов. В эту организацию и был принят Перетц, не осведомленный, однако, по словам Семенова, о связи этого общества с Союзом благоденствия⁷.

Указанные выше вопросы были предметом очных ставок, состоявшихся 30 апреля между Глинкой, с одной стороны, и Семеновым и Перетцом, с другой. Глинка отверг свидетельства Перетца и Семенова и в обоих случаях «остался при своем показании» (док. № 22/20, 23/21)⁸.

Вопросы об обществе Глинки—Перетца задавались также Н.И.Кутузову, приглашенному в Комитет 7 мая 1826 г. уже после его освобождения из-под ареста в феврале того же года. Кутузов и Глинка, старые товарищи, вероятно, согласовали заранее свои ответы на случай ареста Перетца и его возможных признаний. Напомним, что Глинка вторично был арестован лишь 11 марта и, таким образом, он и Кутузов одновременно находились на свободе более месяца. Кутузов дал ответы, полностью совпадающие с показаниями Глинки. Он указал, что Глинка принял Перетца лишь в общество ланкастерских школ, где он и сам состоял членом комитета правления⁹.

В апреле продолжали выясняться также те пункты обвинения Глинки, которые затрагивались в начале расследования: его позиция на заседании Коренной думы в 1820 г. и осведомленность о подготовке выступления 14 декабря. По первому вопросу в деле Глинки имеются протоколы двух очных ставок от 10 апреля 1826 г.: между ним и Пестелем, а также между Пестелем и Семеновым. На очной ставке с Пестелем (док. № 17/15) Глинка вновь, как и в показаниях от 15 февраля, утверждал, что никакого формального совещания Коренной думы не было, а имел место «только разговор политический о разных образах правлений вообще; спорили, но голосов не собрали и никакого положения не сделали»¹⁰. На очной ставке Пестеля и Семенова о заседании Коренной думы первый продолжал утверждать, что Глинка в конце заседания согласился с мнением большинства о необходимости введения республики; Семенов же,

¹ ВД. Т. IV. С. 327; Т. IX. С. 245; Т. XIV. С. 437.

² Наст. том. Д. 198 (Н.Д.Сенявина, А.Н.Ронова). Док. № 9/8, 10/9.

³ ВД. Т. XVI. С. 128, 135.

⁴ Наст. том. Д. 66 (Г.А.Перетца). Док. № 22/21, 26/24, 35/34.

⁵ ВД. Т. XVI. С. 156.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 161.

⁷ ВД. Т. XVIII. С. 188—189; Т. XVI. С. 159—160.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 190.

⁹ Наст. том. Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 5/4.

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 164.

подчеркнув выступление Глинки против республиканского правления, заявил, что «спор сей не был кончен общим согласием» (док. № 18/16). На следующий день Глинка направил в Комитет дополнение к очной ставке между ним и Пестелем, где стремился подкрепить свою позицию ссылками на якобы плохую память Пестеля. Характерно, что он приводил в свидетели Ф.П.Толстого и И.А.Долгорукого, то есть тех участников заседания, которые, как он знал не были арестованы, а в показаниях, представленных в Комитет, полностью отрицали факт проведения подобного совещания Коренной думы (док. № 19/17). Как отмечалось в журналах заседания Комитета при чтении письма Глинки, он «в доказательство справедливости отрицания своего приводит разные местные и другие обстоятельства. Показание сие не основано на верных доказательствах»¹.

Вопрос об осведомленности Глинки о подготовке вооруженного выступления в декабре 1825 г. вновь возник в начале марта 1821 г. в связи с показаниями Рылеева. Он остановился на своих отношениях с Глинкой в течение последних четырех лет, повторил, что считал его членом общества и поэтому говорил «с ним свободно о преобразовании правительства». О готовящемся восстании Глинка, по словам Рылеева, знал, так как бывал у него на квартире два раза перед 14 декабрям и присутствовал на происходящих там разговорах. «Также помнится, — показывал Рылеев, — что я сказал ему, что некоторые роты приготовлены»². При чтении показаний Рылеева 2 марта Комитет постановил: вопрос о Глинке «привезть в бульшую ясность допросами князю Трубецкому, бывшему у Рылеева пред 14 числом декабря, когда приходил туда Глинка, с которым и он имел разговор»³. Вопрос Трубецкому был задан 6 апреля (док. № 14/12). «На страстной неделе... — вспоминал Трубецкой, — я имел еще удовольствие получить вопросные пункты такого рода, ответы на кои должны были служить к облегчению судьбы тех лиц, кого они касались... В одном вопросе спрашивали, почему я просил Рылеева, чтобы не сообщал он полковнику Глинке о наших намерениях...»⁴ 7 апреля Комитет зачитал ответ Трубецкого, в котором тот, как отмечено в журналах, «объявляет, что пред 14-м числом декабря действительно виделся с Глинкою у Рылеева, но о намерении общества действовать с ним не говорил»⁵.

Очные ставки, состоявшиеся 13 апреля по тому же вопросу между Глинкой, с одной стороны, и А.Бестужевым и Рылеевым, с другой, Глинка в целом выдержал; однако, ему пришлось смягчить категорическое отрицание. Так, на очной ставке с А.Бестужевым Глинка заявил, что не помнит разговора о подготовке «чего-то» (то есть выступления) (док. № 20/18). На очной ставке с Рылеевым Глинка попытался слегка изменить смысл сказанных ему Рылеевым накануне восстания слов о подготовке солдат к выступлению, придав репликам Рылеева более «мирный» характер (док. № 21/19). В то же время журналы Комитета зафиксировали, что на очных ставках 13 апреля А Бестужев и Рылеев подтвердили свое показание, а «Глинка оное отверг»⁶.

В целом, принятая Глинкой тактика защиты оказалась довольно удачной. Как справедливо отмечал С.Н.Чернов, «он выступал на следствии упорным и часто для следствия неуловимым отрицателем»⁷.

В начале мая имя Глинки несколько раз упоминалось при допросе Кутузова и при очных ставках, данных последнему с Семеновым и Перетцом⁸. Это был финал расследования вопроса о существовании отдельного тайного общества, зависимого от Союза благоденствия, с участием Глинки, Семенова, Перетца и других. Следствие закончилось безрезультатно.

11 мая Следственный комитет заслушал докладную записку о Ф.Н.Глинке⁹. 15 июня Николай I сделал на ней резолюцию: «Выпустить, перевесть в гражданскую службу и употребить по оной в Олонец, где и жить ему безвыездно под бдительным тайным надзором полиции». Резолюция царя была оглашена в Комитете 17 июня (док. № 25/24)¹⁰.

1 ВД. Т. XVI. С. 165.

2 ВД. Т. III. С. 235.

3 ВД. Т. XVI. С. 119—120.

4 Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск, 1983. С. 272.

5 ВД. Т. XVI. С. 160.

6 ВД. Т. XVI. С. 167.

7 Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 19.

8 Наст. том. Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 5/4, 6/5, 7/6; ВД. Т. XVI. С. 201—202.

9 ВД. Т. XVI. С. 206.

10 ВД. Т. XVI. С. 222; ГАРФ. Ф. 48. Д. 40. Л. 40—50.

Днем раньше Глинка был освобожден и тотчас обратился с письмом к Николаю I, прося разрешения отсрочить свой отъезд к месту ссылки из-за необходимости «устроить дела». Он не находил никаких средств «сделать скоропалительным переход... из военной... в статскую службу. Не на что сделать мундира губернского», — писал он, — не во что переодеться из военного¹. В ответ Глинка получил разрешение задержаться в столице на несколько дней. В это время он, по его словам, «делал что мог, чтобы изготовиться к отъезду, а ночевать ходил под арест»². Глинка был переименован в коллежские советники и согласно «высочайшего» приказа от 7 июля 1826 г. «во уважение прежней его службы и недостаточного состояния» отправлен в Петрозаводск для употребления «по гражданской части»³. Прибыл он к месту ссылки 30 июля 1826 г. с фельдъегерем и был назначен советником Олонецкого губернского правления⁴. Олонецкому гражданскому губернатору предписывалось ежемесячно доносить о его поведении⁵.

Характер наказания, понесенного Глинкой, в свое время обратил на себя внимание Н.К.Шильдера. Он писал: «Каким образом удалось Глинке, участвовавшему в делах тайного общества до самого взрыва 14 декабря, избежнуть суворой кары, постигшей других менее деятельных участников, это остается тайною и до сих пор не разъяснено. Существует мнение, что умирая граф Милорадович просил государя пощадить Глинку как человека увлеченного, но не преступного и душевно преданного престолу»⁶.

Примеров произвольного решения судеб отдельных участников тайных обществ как в сторону смягчения наказания, так и в сторону его ужесточения во время процесса декабристов было немало. Следственные дела ряда членов Союза благоденствия наглядно свидетельствуют об этом.

Помимо указанных выше документов в следственное дело Глинки входят: его послужной список (док. № 2/22) и выписка показаний о нем других декабристов (док. № 24/23).

Отдельные фрагменты следственного дела Ф.Н.Глинки издавались С.Н.Черновым: см. его публикацию «К истории Союза благоденствия (из бумаг Ф.Н.Глинки)»⁷.

Следственное дело Ф.Н.Глинки хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 82. По современной нумерации в деле 85 листов, заполненных текстом. По сохранившейся на страницах нумерации А.А.Ивановского при формировании дела в нем насчитывалось 82 листа. Лист документа № 1 не был первоначально пронумерован.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания Ф.Н.Глинки по разным вопросам, не вошедшие в состав дела № 82.

1. Дело № 293 «О деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», л. 2 (расписка от 2 января 1826 г.).
2. Дело № 305, л. 159 (прошение от 29 мая 1826 г.).
3. Дело № 244 «Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленным обществам», л. 75 (показание без даты).
4. Дело № 303, л. 105 (показание без даты).